

Стивен Скотт
ПИТЧЕР

САКРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ЧИСЕЛ

духовные истины на языке математики

Стивен Питчер

**Сакральное значение
чисел. Духовные истины
на языке математики**

ИГ "Весь"

2002

УДК 133.5::511.1
ББК 86.39

Питчер С. С.

Сакральное значение чисел. Духовные истины на языке математики
/ С. С. Питчер — ИГ "Весь", 2002

ISBN 978-5-9573-2584-0

Что общего у математики и религии? Казалось бы, это настоящие противоположности, но в действительности общего у них немало. Обе системы знания основаны на символах. И в каждую из них люди искренне верят, осознавая, что за этим символизмом скрывается Истина. В книге «Сакральное значение чисел» Стивен Питчер, почти 30 лет посвятивший изучению духовной стороны математических законов, предлагает освоить интереснейшую науку – нумерологию. Оглядываясь на эволюцию человеческих представлений о мире, он доказывает, что математика возникла в результате желания человека познать смысл происходящего и обнаружить закономерность непрерывного развития в жизни. Автор также наглядно демонстрирует, как мы можем использовать математические символы и принципы в духовной практике и личностном росте. Благодаря этой книге, вы познакомитесь с содержанием числового символизма, научитесь составлять собственную нумерологическую карту и использовать ее для решения самых разных жизненных задач – от преодоления трудностей в работе и личной жизни до выбора пути самосовершенствования. Книга будет интересна всем, кто увлекается математическими загадками, психологией и духовным развитием. Ранее книга выходила под названием «Полная книга чисел. Символы, формирующие реальность».

УДК 133.5::511.1
ББК 86.39

ISBN 978-5-9573-2584-0

© Питчер С. С., 2002

© ИГ "Весь", 2002

Содержание

Математический путь	8
Введение	9
Глава 1	13
Глава 2	27
Глава 3	36
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Стивен Скотт Питчер

Сакральное значение чисел. Духовные истины на языке математики

Эта книга посвящается моей жене Эве, чье общение с Духом, учения Духа, любовная поддержка и понимание стали для меня источником вдохновения и создали ту атмосферу, в которой я смог отчетливее видеть и слышать, и лучше писать.

Я выражаю также свою благодарность Дион Форчун и Рудольфу Штейнеру, двум величайшим учителям оккультизма, которые когда-либо существовали.

Я благодарен им за то, что они всегда со мной.

Дорогой Читатель!

Искренне признателен, что Вы взяли в руки книгу нашего издательства.

Наш замечательный коллектив с большим вниманием выбирает и готовит рукописи. Они вдохновляют человека на заботливое отношение к своей жизни, жизни близких и нашей любимой Родины. Наша духовная культура берёт начало в глубине тысячелетий. Её основа – свобода, любовь и сострадание. Суровые климатические условия и большие пространства России рождают смелых людей с чуткой душой – это идеал русского человека. Будем рады, если наши книги помогут Вам стать таким человеком и укрепят Ваши добродетели.

Мы верим, что духовное стремление является прочным основанием для полноценной жизни и способно проявиться в любой области человеческой деятельности. Это может быть семья и воспитание детей, наука и культура, искусство и религиозная деятельность, предпринимательство и государственное управление. Возрождайте свет души в себе, поддерживайте его в других. Именно это усилие создаёт новые возможности, вдохновляет нас на заботу о ближних, способствуют росту как личного, так и общественного благополучия.

Искренне Ваш,

Владелец Издательской группы «Весь»

Пётр Лисовский

Steven Scott Pither

The complete book of numbers.

The power of number symbols to shape reality

Перевод с английского *И. И. Малковой*

Дизайн обложки *Н. Н. Ивановой*

Published by Llewellyn Publications, Woodbury, MN 55125 USA, www.llewellyn.com

© Steven Scott Pither, 2002 © Издание на русском языке, оформление. ОАО «Издательская группа «Весь», 2011

Математический путь

Вопреки привычным для нас представлениям о математике, на самом деле она не состоит из чисел и принципов, выражающих отношения между числами. Скорее, математическая система состоит из идеи чисел и идеи принципов. И в этом заключена основополагающая разница: математика лишена физического существования. Вся математическая система является ментальным концептом – орудием ума, – который мы выражаем письменными символами для наглядности и большей легкости понимания. Математику можно использовать для всего, что имеет форму. Термин «форма» используется в данном случае в широком философском смысле; он включает в себя все, что имеет физический, материальный уровень существования.

Конечно, математика обладает структурой, поэтому она обладает формой. Но это – растяжимый, ускользающий, эфемерный вид формы. Она может принимать любой вид, от самых конкретных до самых абстрактных уровней существования. Можно сформулировать это иначе: математика способна представлять или моделировать внутреннюю и внешнюю природу чего угодно.

Среди областей, подвластных математическому представлению, находится и духовный путь. Хотя этот способ существования весьма далек от вещественного мира повседневной жизни, он обладает и формой, и идентифицируемой структурой. Часть его мистики возникает из веры в то, что духовный путь не имеет отношения к этому миру, что он берет начало в царстве Духа, что придает ему неизмеримые и непостижимые свойства. Изначальное вдохновение систем духовного пути действительно может иметь трансцендентный источник, но вот концепции и символы, разработанные для выражения Пути Духа, являются чисто человеческими заключениями. Таким образом, хотя конечная цель духовных поисков непредсказуема и непознаваема, путь, который к ней ведет, достаточно хорошо изучен. Этот путь можно выразить математически.

Стивен Скотт Питчер

Введение

Как-то одним осенним вечером 1985 года меня затащили на семинар в Школе метафизики города Талсы. Семинар был посвящен нумерологии. Хотя я слышал слово «нумерология» раньше, но совершенно ничего не знал в этой области и не был заинтересован в ее изучении. В течение первого скучного часа лекции мои мысли где-то блуждали, и я лишь иногда вслушивался в то, что рассказывалось. На лекции обсуждались значения девяти однозначных чисел, которыми пользуются в нумерологии. Когда женщина, делающая доклад, дошла до числа два, она несколько раз повторила: «Два – это число чистой восприимчивости, чистой восприимчивости». На шестой или седьмой раз, когда она повторила эти слова, произошло нечто странное. Я услышал, как отчетливый голос в моей голове произнес: «Да, это так. Я точно знаю, что это именно так!» И тот момент, и тот голос остаются для меня загадкой до сих пор. Но с того вечера я ощутил настоятельную необходимость как можно глубже познать нумерологию.

На протяжении следующих пяти лет я штудировал книги одну за другой. Я узнал, что нумерология является частью невероятно древней системы, используемой для понимания самого себя и окружающих, для предсказаний и даже для развития духовности. Большинство цивилизаций, существовавших на протяжении всей известной нам истории человечества, пользовались нумерологией или символизмом чисел в том или ином виде. История нумерологии прослеживается вплоть до шумеров, которые изобрели письменность за 3200 лет до нашей эры. Я понял, что существует великое множество форм символизма чисел. Возможно, их несколько сотен, а современный вариант этого символизма, так называемая пифагорейская нумерология, является относительно недавней разработкой, относящейся уже к XX веку. Даже уважаемая каббалистическая нумерология возникла лишь в самом начале нашей эры. Символизм чисел менялся со временем, и он не всегда был тем изощренным инструментом, которым является в наши дни. На различных стадиях своего становления этот символизм зачастую принимал те формы, которыми ныне пренебрегают. Например, в эпоху Средневековья победителей соревнований предсказывали на основании сложения чисел, соответствующих буквам их имен. Того, у кого сумма оказывалась наибольшей, и считали предполагаемым победителем. Однако, несмотря на подобного рода казусы, ранее существовали и существуют сейчас различные валидные (достоверные) формы символизма чисел, начиная от каббалистического Древа жизни и заканчивая китайской И-Цзин («Книгой Перемен»), о которой говорят как о «математической модели Вселенной». К этим же системам относится и пифагорейская нумерология.

Занимаясь изучением пифагорейской нумерологии, я увидел многочисленные расхождения, противоречия и ограничения, присущие современным практикам этого искусства. Самый наглядный пример – число ноль. В настоящее время не существует единого мнения относительно того, считать ли это число валидным с точки зрения нумерологии. Одни подтверждают, другие отрицают это. В отношении этого и прочих фундаментальных вопросов в нумерологической литературе не делается никаких попыток определить валидность тех или иных концепций или хотя бы просто доказать их. Однако без логических обоснований идей того или иного автора наша участь незавидна – нам приходится принимать на веру убеждения другого человека, какими бы неточными и ограниченными они ни оказались бы на деле. Альтернативой слепой вере является формулировка собственных идей и выработка собственного понимания на основе исследований, медитаций и анализа. Мы можем работать над открытием для себя всеобъемлющей системы символизма чисел, которая бы была самосогласованной, внутренне непротиворечивой, если пользоваться терминологией теоретиков и ученых. Именно в этом и состоит цель этой книги. Это – самосогласованная система символов, все части которой взаимосвязаны и должны функционировать как единое целое. Как писал Фридрих Капра, «самосогласованность – это суть всех законов природы»*.

Но относительно чего должна быть самосогласованна эта система? Если говорить о символизме чисел, то ответ очевиден – относительно аксиом, постулатов, принципов и теорем огромного массива знаний, который был специально разработан для того, чтобы управляться с числами и манипулировать ими; относительно нашей математической системы. Много веков назад символизм чисел был математической практикой, существовавшей наряду с арифметикой и геометрией. Математические техники того времени были полностью применимы к числовому символизму. Но это была эпоха, когда математика переживала период своего младенчества. Большинство систем символизма чисел полностью разрабатывались на основе примитивных математических знаний, и с тех пор они никогда не подвергались модификации. Давайте возьмем для примера «противоречивый» ноль. Не считая индейцев майя и шумерских астрономов, ни в одной из европейских, африканских или азиатских цивилизациях вплоть до последнего времени, до самого начала XX века, не было истинного нуля! Следовательно, когда древние народы создавали свои священные системы, они, естественно, не включали в них ноль. В наши дни все эти системы числового символизма, а также их производные все еще работают – но устаревшим способом.

Это очень любопытный анахронизм в мире, в котором ноль имеет такое фундаментальное значение для использования чисел. Числа, используемые в качестве символов для психологических или духовных целей, ничем не отличаются от чисел, используемых для измерения и подсчета. Однако пути математики и числового символизма резко разошлись примерно в 1600 году, с момента возникновения научного подхода. Я начал задумываться над тем, есть ли в наши дни связи между этими двумя методологиями. У меня была интуитивная уверенность в том, что это – два куска, вырезанные из одной и той же ткани. Но как именно? Где таится связь, скрывающаяся за использованием чисел? Я обнаружил, что таких связей несколько.

В этой книге содержится множество тех заключений, к которым я пришел. Я начал отслеживать поразительную, а иногда и странную, историю математики, делая акцент на аспектах ее культурного и философского развития. Обсуждение этих аспектов завершается описанием того поразительного сдвига, который произошел в математике в XX веке. В результате впечатляющего прогресса физики многие научные концепции (особенно в области субатомной физики) приблизились к метафизическим представлениям! Но почему бы и нет? Трансцендентный символизм чисел создавался древними с помощью математики, как они понимали ее. А почему сегодня должно быть иначе?

На протяжении всей этой книги я занимался продолжением работы древних, переведя (с возможным уважением) их техники и термины на язык современной математической практики. Это позволило углубить и расширить понимание и использование числового символизма, особенно пифагорейской нумерологии. По концептуализации каббалистическая нумерология считается более математической и духовной, чем ее пифагорейская сестра. Однако пифагорейская нумерология извлечет большую выгоду из этой модификации. Я не знаю ни одной печатной работы, целью которой была бы адаптация числового символизма для наших дней. Хотя многие авторы писали о том, что они узнали в ходе своих исследований прошлого, лишь единицы попытались заставить древний символизм заговорить на языке современности. Какими бы поразительными и привлекательными ни были символы далекого прошлого, их смысл в полном объеме не понятен (да и не может быть понятен) нам сегодня. Например, что может современный нумеролог или просто наш современник понять из древнегреческого представления о том, что 6 является совершенным числом? Это число считалось таковым, потому что числа, на которые 6 делится без остатка – 1, 2 и 3 – при сложении дают ту же самую шестерку. Совершенные числа были чрезвычайно важны во времена Пифагора, но их значение в наши дни может быть неизвестным или утратившим свою актуальность.

Я от всей души надеюсь на то, что математики и ученые отнесутся к тому, что изложено на страницах этой книги с научной объективностью. В науке по отношению к символизму чисел

и метафизике преобладает установка, которая выглядит как желание «избавиться от вековых завалов мусора, в том числе мифов и ложных космологий, которые мешают «Я»-образу человечества»¹. Однако люди, занимающиеся научными поисками «объективной истины», могут извлечь пользу из изучения аналогичных метафизических поисков истинной природы реальности. В некоторых аспектах я согласен с такими словами Эдварда Уилсона: «Наука является самой главной метафизикой нашего времени»². Однако символизм чисел обладает потенциалом улучшить нашу жизнь. Необходимо перевести на современный язык и заново изобрести в свете современного понимания и знаний те метафизические термины, образы и техники, которые мы унаследовали от древних аграрных цивилизаций; в противном случае они так и останутся непостижимыми для нас.

Для того чтобы ученый смог переключиться с естественно-научной модели реальности на метафизическую, ему нужно не только найти общий знаменатель или общий язык; ему требуется подлинная восприимчивость к совершенно иному подходу. В данной книге содержится множество метафизических концепций, выраженных математически. Однако я не уверен в том, что это поможет математикам перекинуть мост через пропасть. В математические умонастроения вложены слишком большие инвестиции, чтобы можно было с легкостью принять мистические субъективные вещи. В результате мы имеем два фундаментально различных восприятия реальности, говорящие на разных языках.

Биология предлагает нам пример, который служит великолепной метафорой этой головоломки: бабочки видят в другой части спектра, нежели люди, и поэтому они «находят цветы и источники пыльцы и нектара по паттернам ультрафиолетовых лучей, отраженных лепестками. Когда мы видим желтый или белый цветок, бабочки видят пятна и концентрические круги света и тьмы»³.

Я искренне убежден в том, что стоит выяснить, что видит «магическая, мистическая бабочка». Задача и истинная цель нумерологии, как и любой другой метафизической системы символов, заключается в углублении нашей духовной жизни, а также совершенствовании искусства жить. К сожалению, когда я завершил свои исследования пифагорейской нумерологии в 1990 году, я не обнаружил в ней никакой духовной природы. За исключением нескольких упоминаний о кармических числах и кармических уроках, эта дисциплина полностью вращается вокруг мирских дел и того, как с ними справляться. Несмотря на то что пифагорейская нумерология обладает потенциалом дать информацию душе человека, она представляет собой лишь некую сверхъестественную приманку. На мой взгляд, все представления о кармических числах являются всего лишь безосновательными спекуляциями; эту точку зрения я буду исследовать в этой книге с позиции математических понятий.

Нумерология – это исключительный инструмент для анализа характера в мельчайших деталях. У него есть лишь одно ограничение: не существует нумерологического способа, который бы по нумерологическому портрету позволил сказать, как человек проживает свою жизнь и какого прогресса он добился в сфере духовности. Практически одинаковые комбинации чисел могут быть у нищего попрошайки и процветающего бизнесмена, у безнравственного преступного карьериста и идеалиста, трудящегося во благо человечества. Нет никаких сомнений в том, что все нумерологии будут яростно отрицать это заявление. Однако я предполагаю, что единообразие в толковании нумерологических карт обусловлено, главным образом, тем фактом, что своим нумерологическим портретом интересуются лишь люди определенных типов. Нищие попрошайки, беспринципные преступники и прочие маргиналы, видимо, не входят в эту группу.

¹ Edward O. Wilson. Consilience: The unity of knowledge (New York: Alfred A. Knopf, 1998), p. 61.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 46.

В конечном итоге я знаю, что числовой символизм докажет свою духовную природу. Древние знали это. Современные каббалисты знают это. Я поставил перед собой цель обнаружить эту природу в современной математике. После долгих исследований, затратив большие усилия, я смог идентифицировать процесс духовного развития и другие аспекты духовной жизни посредством интерпретации определенных чисел и использования математических приемов. Наша математическая система представляет собой уменьшенную копию логики и порядка. Основанная на нескольких аксиомах, которые принимаются за истину без доказательств, вся математическая система была построена, шаг за шагом, как идеально согласованная структура. Она начинается с исходных предпосылок и никогда не отклоняется от них. По большей части мой метод опирался на то, что физики называют «мысленным экспериментом». В ходе мысленного эксперимента процесс открытия осуществляется ментально, с точно такой же дотошностью, аккуратностью, точностью и вниманием к деталям, как и во время любого другого естественно-научного эксперимента. Для того чтобы воспользоваться метафизическими понятиями, я на каждом этапе погружался в глубокую медитацию и записывал свои открытия на бумаге только тогда, когда был полностью уверен в точности и аккуратности своих заключений.

Я представляю большую часть этой работы ближе к концу книги. Эта работа состоит из интерпретации девяти чисел и десяти различных уровней этих чисел. Занимаясь этой работой, я руководствовался лишь истиной. Для написания этого раздела, посвященного интерпретациям, потребовались полтора года работы и глубокая концентрация на самых неуловимых, таинственных и ускользающих от внимания значениях. Сложнее всего мне далась интерпретация «четырехразрядного числа на девятом уровне»*, на что ушло целых четыре месяца. Результатом этих усилий стало одно-единственное предложение, состоящее из восьми слов! Я чувствовал себя так, как будто после долгих месяцев работы обнаружил золотой самородок.

Если ты, читатель, готов потратить время и силы, чтобы истолковать эти числовые комбинации для самого себя и овладеть математикой этой духовной символической системы, то тебя ждет особая награда. Постоянные, творческие занятия числовым символизмом могут принести тем, кто их практикует, озарения, знания и улучшение жизни, о которых те не могли и мечтать. Акт открытия тонкого смысла и запутанной внутренней работы – это волнующий процесс сам по себе; на каждом этапе этого пути вас ждут знания, мудрость и прогресс. Приготовьтесь к духовному приключению, которое ждет вас.

(Маленькое примечание относительно языка, используемого в этой книге: я приношу свои извинения читательницам за использование местоимений «он», «его» и «ему», которые относятся и к мужчинам, и к женщинам. Хотя это правильно с точки зрения грамматики, я считаю это устаревшим способом. Однако, ввиду отсутствия приемлемых альтернативных вариантов, я надеюсь, что читатели обоих полов простят мне эту устаревшую фразеологию.)

Важность и смысл этого будут объяснены в главе 12.

Глава 1

Древние вручили нам свои дары

Математика: в своем исходном значении это греческое слово обобщает все то, что человек может усвоить посредством уроков или непосредственного опыта.

Люсьен Жерардэн «Тайна чисел»

Эта книга об иностранном языке. Не том иностранном языке, на котором говорят в другой стране, а о языке разума, который является чуждым нашему мышлению. Я говорю о духовном языке священных символов. В далеком прошлом системы духовных символов были известны как мифы, и они прекрасно работали в свое время. В наши дни эта же самая традиция существует во многих формах, одной из которых является символизм чисел. На протяжении последних ста лет мы называем эту дисциплину нумерологией.

С древнейших времен люди улучшали свою жизнь и углубляли ее понимание за счет числового символизма. В древности к числам относились с большим почетом и лучше разбирались в искусстве их использования, нежели теперь. Пифагор, знаменитый греческий математик и философ, верил в то, что числа обладают магией. Платон был убежден в том, что математика, которая в то время включала в себя символизм чисел, основана на непогрешимой интуиции, являющейся надежным источником знаний. И Аристотель полагал, что истина, аксиомы, на которых основывается математика, является воспоминаниями. Эти воспоминания человек приносит с собой из духовного состояния, в котором пребывает до рождения. Это очень сильные заявления. Однако у нас есть подозрение, что все эти мыслители выражались метафорически и что числа способны на нечто большее, чем просто дарить инсайты и служить для предсказаний. Если говорить честно, то эти вещи имеют малое отношение к глубинной духовности.

Однако древние никогда не говорили бездумно или поверхностно о числах. Они осознавали существование неразрывных уз между мирским и божественным. Символизм чисел воспринимался ими как средство для соединения Духа и материи. Мудрецы и мистики из всех уголков мира пользовались символизмом чисел для духовных целей и порой получали впечатляющие результаты. Вот один пример: «Мифология индуизма, по-видимому, была направлена на достижение (и достигала) полного единства между физическим и метафизическим, а теория чисел создавала фундамент для абсолютной определенности этого мировоззрения»⁴.

Это очень сильное и убедительное заявление. Вопрос заключается в следующем: каким образом в наше время мы могли бы создать такую «абсолютную определенность мировоззрения»? Это очень глубокий вопрос, на который не существует быстрого или легкого ответа, чтобы его найти, мы будем постоянно прикладывать усилия в нужном направлении. Двигаясь к этой цели, мы займемся глубоким исследованием природы числовых символов, будучи уверены в том, что правильное восприятие чисел и их действия приведет к правильному пониманию самого себя и того, как жить в гармонии с Духом. В процессе этого мы будем опираться на язык нашего времени – не на мифическую терминологию богов и сверхъестественных сил, а на современные образы математики и точных наук. Вот что писала по этому поводу Дион Форчун: «При надлежащем понимании оккультные науки являются связующим звеном между точными науками и религией; они дарят нам средства для духовного подхода к точным наукам и для научного подхода к духовной жизни»⁵.

⁴ Ernest G. McClain. Myth of Invariance (York Beach, Maine: Nicholas-Hays, Inc., 1984), p. 85.

⁵ Dion Fortune. Sane Occultism (London: Inner Light Publishing Company, 1938), p. 25.

Если подходить к духовным символическим системам, в том числе и числовому символизму, с позиции номинальной цены, то они лишены смысла. Если судить по их словарю, структуре и синтаксису, то они говорят об обычных, повседневных вещах, но на самом деле это не так. Также создается ложное впечатление, что они рассказывают о божественных созданиях и других мирах. Однако скорее системы духовных символов придают форму трансцендентным, вечным принципам, которые, на первый взгляд, весьма далеки от стрессов и проблем повседневности, поскольку описывают условия существования на космическом уровне. Для тех, кто не прошел инициацию, духовные символические системы выглядят абстрактными интеллектуальными упражнениями, не имеющими никакого отношения к реальности здесь и сейчас. Тем не менее эти системы, при надлежащем их понимании, имеют самое непосредственное отношение ко всем уровням жизни человека.

Именно неуловимая природа духовных символов превращает их изучение в длительный процесс, требующий огромного терпения. Они основаны на Духе. Именно поэтому ни одна из форм мирского или эгоцентрического мышления не дает результата, и именно поэтому нам так трудно постичь эти системы. Знание всегда имеет личный характер. Его можно сформулировать для окружающих, но невозможно передать им. Не существует справочника, духовного руководства, человека и даже учителя, которые смогли бы дать вам эти знания. Единственный путь к ним – это таинственный процесс внутреннего осознания, и именно для облегчения этого процесса написана предлагаемая вашему вниманию книга.

Пример, взятый из числового символизма древних греков, продемонстрирует вам проблему, связанную с пониманием символических чисел. В VI веке до нашей эры у греков уже была полностью разработанная система числовой символики. Число 5 они считали числом брака, потому что оно представляло собой союз двух других чисел, 2 и 3. Первым женским числом было число 2, а первым мужским – число 3. Что мы можем извлечь из этой информации сейчас, сегодня? Вполне естественно связывать 5 с браком, в который вступают два человека противоположного пола. Возможно, первое женское и первое мужское числа относятся к философской или архетипической концепции женщины и мужчины. Мы можем пойти дальше и предположить, что 5 представляет собой идеал брака, к которому должен стремиться любой брак. Поняв эту главную суть, мы остаемся в недоумении: «И что дальше?» Зачем грекам понадобилась вся эта канитель с использованием абстрактных, неромантических чисел?

Как бы ни были резонны все эти рассуждения относительно 2, 3 и 5, они полностью упускают суть вопроса. На деле это не имеет никакого отношения к супружеству. Но греки сделали все, что смогли, чтобы представить «нечто», используя слова и концепции, доступные их языку. Это то, что можно сделать с помощью любого вербального языка, в попытках обсудить «нечто» такое, что невозможно выразить словами.

Допустим, что в первый раз мы промахнулись. Давайте попытаемся еще раз, руководствуясь полной информацией о древнегреческом числовом символизме. Древние греки явно тяготели к философии. Числа 2, 3 и 5 были абстрактными концепциями. Женское число 2 и мужское число 3 считались самыми базовыми принципами, или законами, жизни. В совокупности они включали в себя все полярные противоположности (все формы двойственности) на каждом из земных планов. Древние греки называли десять пар полярных противоположностей, которые включали свет и тьму, мужчину и женщину, добро и зло. Они рассуждали так: если эти качества, пребывающие в фундаментальном конфликте друг с другом, можно было бы гармонизировать и заставить функционировать сообща (они использовали термин «вступить в брак»), то это дало бы человеку способность прожить позитивную, продуктивную и эффективную жизнь. Тем самым число 5 символизировало искомое состояние гармонии.

Это объяснение основано на полной информации. Его суть так же важна сейчас, как была важна во времена древних греков: следует жить гармонично в мире, полном полярных противоположностей. Это поразительная формулировка духовных принципов, но тем не менее она

не дает нам ничего, кроме информации. После того как мы закончили все эти рассуждения, мы снова возвращаемся к своим собственным мыслям и задаемся вопросом: «Итак, что мне следует делать сейчас?» Обычно, получив надлежащее объяснение, мы приобретаем способность действовать, руководствуясь обретенным пониманием. Здесь этого не происходит, поскольку передачи персонального значения и смысла не произошло, равно как и никакого непосредственного обучения на опыте. Это объяснение лишь более полно раскрыло символы, которые были непонятны поначалу и остались таковыми. Язык этих числовых символов так и остался иностранным для нашего мышления.

Искусство интерпретации – это главный навык, необходимый для того, чтобы пользоваться числовым символизмом. Чтобы научиться интерпретировать, мы должны вернуться к истокам математики, чтобы узнать, как и почему числа превратились в метафизические символы. Числа, используемые символически, являются математическими во всех смыслах этого слова. История числового символизма и история математики были неотделимы друг от друга примерно до 500 года нашей эры. Очень важно в самом начале этого краткого исторического экскурса отметить следующее: помимо того, что числа использовали для счета, измерения и подсчетов, их всегда наделяли культурными и метафизическими атрибутами.

Сегодня математика представляет собой чисто абстрактную систему. Однако в самом начале числа не были абстракцией. Первые попытки вести счет, которые были сделаны тысячелетия назад, выглядят невообразимо странно для современного ума. Тогда не было написания чисел, которым мы пользуемся сегодня, не было даже слов для обозначения этих чисел. Подсчет нередко означал вырезание линий на дереве или камне или оставление отпечатков на глиняных табличках. Конкретное число записывали, вырезая такое же количество линий: для обозначения 6 требовалось шесть линий, для обозначения 28 – двадцать восемь. Привычная косая черта по диагонали, обозначающая повторяющиеся 5, была неизвестна. Некоторые древние народы вели счет, указывая на разные части тела. Пример такого счета существует и в наши дни в одном из племен, населяющих остров Папуа: 1 – это мизинец на правой руке; 2 – безымянный палец на правой руке; 3 – средний палец на правой руке; 4 – указательный палец на правой руке; 5 – большой палец на правой руке; и так далее до числа 12, которое обозначает нос; 13 – рот; 14 – левое ухо и так далее⁶. Усложненной версией такой формы счета был счет на пальцах, который сохранялся в Европе примерно до 1700-х годов. Древние римляне могли считать на пальцах от одного до десяти тысяч.

В далеком прошлом для чисел, используемых для счета, нередко не существовало слов. Количество чего-то было частью самого слова. Так, в современном английском мы меняем существительные и добавляем «s» на конце во множественном числе (например, «tree» («дерево») – «trees» («деревья»)). В арабском языке до 700 года нашей эры слово «radjulun» означало одного человека, «radjulun» – двух человек, а «gidjulun» – несколько человек⁷. Следы точно такого же подхода мы можем найти и в современном английском языке, в таких выражениях, как «пара волов» («yoke of oxen») и «упряжка лошадей» («team of horses»). Сегодня может показаться неважным, что в некоторых языках были слова для обозначения одной вещи и двух вещей. Но на заре развития математики в некоторых культурах не существовало чисел больше двух или трех. В разное время и в разных странах 2, 3, 4 и, чаще всего, 10 (поскольку у нас 10 пальцев на руках) были пределами счета. Сегодня в это верится с трудом. В наши дни школьники хорошо знакомы и с миллионами, и с миллиардами. Однако даже в современном мире в южных странах живет племя, у которого самым большим числом явля-

⁶ Karl Meninger. Number Words and Number Symbols: A Cultural History of Numbers (Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1970), p. 35.

⁷ Karl Meninger. Number Words and Number Symbols: A Cultural History of Numbers. P. 12.

ется 2. Они считают от 1 до 5 следующим образом: 1, 2, 2'1, 2'2, 2, 2, 1⁸. Многие древние народы умели считать от 1 до 9, а после этого они просто говорили «много». Значения корней немецких числительных говорят о том, что некогда самым большим числом было 10. Сотню обозначали как «десять десятков», а тысяча была «сильной десяткой десятков». Наше слово, обозначающее миллион, имеет примерно такую же историю. Это комбинация латинского слова *mille*, что означает «тысяча» и усиливающего слова «опе». В сочетании «*mille-опе*» означает «много тысяч»⁹.

Сегодня вся наша математическая система состоит из всего лишь десяти чисел – 0 и чисел от 1 до 9. Если мы хотим идти дальше, то мы должны комбинировать цифры. Следовательно, мы имеем то, что называется десятиричной системой. В прошлом использовались и другие системы, не десятиричные. У китайцев некогда система счисления была основана на 2. В качестве основы использовали и 5, и 20. Такие системы были у народов майя, ацтеков и друидов. Доказательством того, что друиды пользовались двадцатеричной системой, является слово, обозначающее 80 в современном французском языке – «*quatre-vingts*», что означает «четыре двадцатки». В математике древних шумеров использовали две различные системы счисления: для повседневных подсчетов они пользовались десятиричной системой, а для астрономических вычислений – шестидесятиричной. Другими словами, прежде чем они начинали комбинировать числа для того, чтобы выразить большие величины, у них в распоряжении было шестьдесят чисел.

У шумеров, как у любого другого древнего народа, числа имели священный и философский смысл. Числа отождествляли с богами. Основные взаимосвязи между богами устанавливали в том числе по числам, на которые число 60 делилось без остатка. Сегодня вместо слова «боги» мы можем поставить «духовные силы» или «космические законы». По всей видимости, числа, на которые 60 делилось без остатка, демонстрировали взаимоотношения между богами потому, что эти взаимосвязи можно было установить непосредственно с помощью математики.

Шумеры находили свои священные числа в природе, выводя их, в частности, из продолжительности года и тех объектов, которые они наблюдали в небе; так поступали многие цивилизации того времени. Люди считали солнце, луну и звезды божественными созданиями и полагали, что циклы их путешествия по орбитам отражают деятельность богов. В настоящее время известно, что у шумеров, как и у многих других народов древности, были великолепные астрономы, точность наблюдений которых намного превосходила ту, которую мы приписывали им. В некоторых случаях (например, при предсказании лунных затмений) древние астрономы были практически так же точны, как современные ученые! Несмотря на эти знания, продолжительность календарного года шумеров составляла 360 дней, а не 365 % дня, как на самом деле. Это определенно создавало удобства, потому что есть много чисел, на которые 360 делится без остатка, тогда как действительная продолжительность года не делится без остатка вообще, из-за ¼ дня. Сначала это расхождение тревожило меня. Вся космология шумеров была основана на числе 360. Однако, как оказалось, шумеры были прекрасно осведомлены об истинной продолжительности года, и поэтому разработали метод, позволяющий суммировать пять дополнительных дней без ущерба счету лет. То же самое практиковали астрономы и других древних цивилизаций – друиды, индийские арии, египтяне, майя, инки и китайцы; у всех у них календарный год состоял из 360 дней и включал пять дополнительных дней. Я ломал голову над тем, насколько осознанно шумеры манипулировали числами, чтобы их числовой символизм работал. Какое-то время спустя я узнал, что «в какой-то момент во время эры Рака мы приобрели пять дополнительных дней, так называемые эфиопские дни; ранее Земля совершала свое вращение вокруг Солнца ровно за 360 дней»*. Это успокоило меня, потому что система

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 134. *Murry Hope. The Sirius Connection* (Rockport, Maine: Element Books, 1996), p. 19.

духовных символов, без внутренней цельности и честности, не имеет никакой ценности. Как оказалось, многие цивилизации просто демонстрировали свое почтение к предшествующей им истории человечества. Это демонстрирует также, что реальность нашего мира меняется и предпосылки какой-либо системы мудрости могут утратить свою ценность по истечении определенного срока – если они основаны на физической реальности. В наши дни нет никаких оснований делать числа 60 или 360 священными.

Шумеры мечтали структурировать вселенную с помощью чисел, но первые попытки этого были сделаны только через 1400 лет, во времена Пифагора. Под «структурой вселенной» шумеры понимали распространение своих знаний символизма чисел на объяснение всего происходящего в мире. Хотя древние шумеры не преуспели в этом, они оставили нам в наследство две вещи, которыми мы пользуемся до сих пор. То, что мы делим круг на 360 градусов, а час – на 60 минут, является культурным наследием той давно ушедшей цивилизации. Еще одна вещь, оставленная нам шумерами, – это изобретение подсчета числовых значений имен и слов. Это составляет тот фундамент, на котором работает современная нумерология, а также еще несколько других, менее известных форм числового символизма, например гематрия. Гематрия – это метод определения скрытых связей между словами, имеющими одинаковое нумерологическое значение. Просто поразительно, насколько сильна унаследованная сила культуры и традиции!

С появлением шумеров началась эпоха исторических письменных свидетельств. Несмотря на прогресс, которого к тому времени достигла математика, она пребывала в весьма примитивном состоянии с точки зрения современных стандартов. Написание чисел было весьма громоздким. А еще хуже то, что ими нельзя было пользоваться даже для простейших вычислений вроде сложения и вычитания. Такого рода ограничения сохранялись во всем мире примерно до 700 года нашей эры, когда в Индии изобрели так называемые арабские цифры, которыми мы пользуемся и по сей день.

До этого времени числа писали только для того, чтобы сделать заметки о количестве чего-то или записать результаты вычислений. Начиная с эпохи шумеров (5000 лет до нашей эры) и заканчивая примерно 1700 годами, люди считали на пальцах и счетах, выполняя сложение, вычитание, умножение и деление. Счеты представляли собой костяшки из дерева или камня, надетые на параллельно натянутые нити. Для вычислений использовали камушки и специальные фишки. Количество костяшек, символизирующих то или иное число, равнялось этому числу. Для обозначения числа 7, например, требовалось семь костяшек. В Европе колонки на счетах указывали поместное значение каждого числа. Колонка определяла, идет ли речь о единицах (1, 2, 3 и так далее до 9), десятках (10, 20, 30 и так далее до 90), сотнях (100, 200, 300 и так далее до 900) и так далее. Ноль при работе со счетами не учитывали. Колонки, представляющие ноль, просто оставляли пустыми.

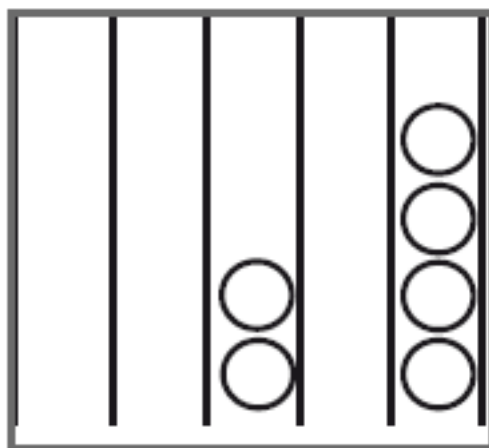

Рис. 1. Число 204, отложенное на счетах

На рис. 1 показано, как на счетах выглядело число 204. Как бы ни было важно поместное значение чисел при операциях на счетах, эту технику не включали в работу с написанными числами вплоть до XV века.

Весьма любопытно, что в Китае вместо костяшек в счетах использовали маленькие деревянные или бамбуковые палочки. Возможно, это связано с тем, что изначально при работе с «И-Цзином» («Книгой Перемен») пользовались именно палочками. Сегодня для простоты вместо палочек кидают три монеты. И-Цзин базируется на 64 гексаграммах. Гексаграмма – это шесть линий, которые могут быть прерывистыми или сплошными (рис. 2). При истолковании смысл гексаграммы определяют по конкретному сочетанию линий и порядку их расположения. Чередование прерывистых и сплошных линий наводит на мысль о древней китайской двоичной системе счисления, поскольку мы имеем лишь два символа. Это еще один пример того, как древние народы использовали математику для выражения концепций мудрости и духовности.

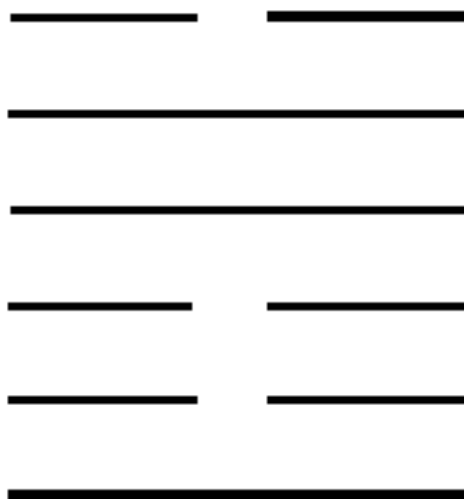

Рис. 2. Эта взятая в качестве примера гексаграмма по номером 17 называется Суй («Следование»). Ее краткое истолкование звучит следующим образом: «Радость движения ведет к следованию. Идея следования как приспособление к велениям времени произрастает из этого образа»

Значительный прогресс в написании чисел произошел, когда в качестве числовых систем стали использовать алфавиты. Это изобретение греки сделали примерно за 450 лет до нашей эры, а потом его переняли древние иудеи. В алфавитах обоих народов первые девять букв выступали также в качестве цифр от 1 до 9. Следующие девять букв представляли десятки, от 10 до 90, а последние девять были сотнями, от 100 до 900. Колоссальным преимуществом таких алфавитных чисел была простота. До появления алфавитных чисел письменные знаки существовали только для 1, 5, 10, 100 и так далее. Остальные числа писали, повторяя и комбинируя эти базовые цифры. Точно так же как на счетах, 4, например, записывали, четыре раза написав «1»; 40 записывали в виде значка 10, повторенного четыре раза. Давайте рассмотрим конкретный пример. В Древнем Египте 1 представляла собой вертикальную линию, а 10 – арку. Вот как они изображали число 44: | | | | оооо. Алфавитные же числа предлагали букву/число для всех единиц, десятков и сотен. Поэтому 44 можно было написать как 404 (используя, естественно, соответствующие греческие буквы или буквы иврита). Чтобы написать число 404, что мы сейчас делаем, вставив 0, эти народы писали 4004, и при этом не испытывали ни малейших страданий по поводу того, что в столбце десятков у них ничего не стояло. «Для примитивного человека, делающего подсчеты, число – это всегда число, количество, и только число может иметь символ»¹⁰. Именно так и поступали древние египтяне и большинство других древних народов, и точно так же они проделывали это на счетах. Египтяне обозначали число 100 как 9, поэтому 404 они писали так: | | | | 9999. Благодаря алфавитным числам впервые стало возможно использовать написанные числа для совершения подсчетов, какими бы неуклюжими и громоздкими они не казались нам сейчас.

Алфавитные числа явно стали предтечей современной нумерологической практики приписывать буквам числовые значения, в том числе пифагорейской и каббалистической нумерологии. На первых порах алфавитные числа были чисто математической разработкой. Однако вскоре символизм чисел распространился на буквы и слова, составленные из этих букв. Числовой символизм, подобно всем духовным символическим системам, склонен развиваться в двух направлениях. Во-первых, система символов медленно созревает по мере того, как с ней работают, поколение за поколением, представители данной культуры. Постепенно обветшалые элементы подвергаются ректификации и очищению благодаря многократным пересказам. Происходит своеобразный органический процесс отсева, благодаря которому базовые истины о человеческой природе и жизни принимают чистую, архетипическую форму. Однако в какой-то момент эта достойная работа приносит в жертву систему символов, порождая мудрость и духовное знание священного характера. При развитии во втором направлении какой-нибудь одаренный индивид делает настолько глубокий и важный вклад во всю систему символов, что та приобретает глубокое видение и пророческие возможности.

Такой человек появился на свет в Греции в VI веке до нашей эры; имя этого человека – Пифагор. Он был математиком, философом, мистиком, учителем и одним из самых образованных людей в истории человечества. Он разработал геометрическую теорему, которую до сих пор изучают в школах. Он основал школу мистерий, которая была знаменита в то время. Современная самая популярная форма нумерологии, нумерология Пифагора, названа в честь этого человека. Однако, как мы увидим, практически ничего из учения Пифагора и его математических практик не вошло в сегодняшнюю пифагорейскую нумерологию. Единственное, что ее объединяет с древним учением Пифагора, это, во-первых, использование десятичной системы, а во-вторых, особый акцент, который делается на первых десяти числах. Связь между Пифагором и современной нумерологией, названной в его честь, настолько слаба, что

¹⁰ Karl Meninger. Number Words and Number Symbols: A Cultural History of Numbers (Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1970), p. 400. Joseph Campbell. The Masks of God (New York: Penguin Books, 1976), p. 185.

есть большое искушение предположить, что имя этого великого человека выбрали совершенно случайно, просто для того, чтобы тем самым оказать ему честь!

Даже если это так, то Пифагор все равно сделал монументальный вклад. Этим вкладом стала его концепция о том, что все в жизни имеет математический базис: «принцип, согласно которому искусство, психологию, философию, ритуалы, математику и даже спорт следует считать аспектами единой науки гармонии»*. В Древней Греции существовало пять областей математики: арифметика и геометрия (греки считали это одним и тем же), астрономия, музыка и стереометрия (измерение объемов). Задача структурирования философии в соответствии с математическими принципами потребовала духовного видения высшего порядка, которое смогло бы структурировать принципы жизни в числовых понятиях. Похоже, что эта мечта была сродни той, которая будоражит умы современных физиков – получить теорию Единого поля, объединяющую все базовые силы вселенной и дающую им единое объяснение.

Главным элементом пифагорейского числового символизма был, без всяких сомнений, любимый тетрактис (рис. 3). Это расположение десяти точек в форме треугольника с четырьмя точками в основании, затем тремя, двумя и, наконец, одной точкой на вершине; эта структура символизирует создание Вселенной. Тетрактис известен также как Принцип Здоровья. Он был основан на идее о том, что существует десять принципов, или универсальных законов, которые рождают и сохраняют существование всего существующего в мироздании. Это мысль, на которую может опереться современный ум; концепция, содержащая небольшое количество базовых элементов, которые дают начало всему остальному. Это также давно забытое соображение о том, что все числа в пифагорейской нумерологии обычно сводили к одной-единственной цифре. Однозначные числа представляют собой основные значения натуральных чисел (целых чисел от 1 до бесконечности). Чтобы свести число 39 к одной цифре, например, нужно сложить 3 и 9. В сумме это дает 12, поэтому мы снова складываем 1 и 2, и получаем 3. В результате мы можем сказать, что 39 сводится к 3.

Рис. 3. Тетрактис Пифагора

Тетрактис на самом деле состоял из четырех ключевых чисел, ответственных за все мироздание: 1, 2, 3 и 4. Цифра 1 – это Единство¹¹ неделимая единица, называемая монадой; основа всего мироздания, которая геометрически выражается точкой. Двойка была женским (генера-

¹¹ Это не единство в современном значении, подразумевающим безупречную цельность и взаимосвязь всего сущего во вселенной. Это понятие относится скорее к основной единице вселенной, всегда одной и той же, из которой состоит все сущее. В геометрии единство символизировала точка, из которой построены все геометрические фигуры.

тивным) принципом, и ее геометрическим символом была линия. Тройка была мужским (каузальным (причинным)) принципом, и ее геометрическим символом была плоскость. Четверка была единицей измерения вселенной, и геометрически ее символизировал куб. Древние греки видели глубокую связь между любыми двумя или несколькими числами и общей суммой, которая в данном случае выражалась так: $1 + 2 + 3 + 4 = 10$. Любопытно, что числа 1, 2 и 3 вообще не считали числами; они были принципами или основными законами Вселенной. Числа были осязаемыми, проявленными вещами, и они начинались с 4. Это особенно относилось к 1, из-за уникальной роли единицы как числа, от которого происходят все прочие числа. Эти верования были настолько сильны, что в 1585 году, через две тысячи лет после Пифагора, математик Майкл Стевин предложил формальное доказательство того, что 1 является числом!

Священное значение Тетрактиса было расширено, поскольку десять точек образовывали треугольник, и греки называли такие числа треугольными числами. Известны и другие треугольные числа – 3, 6 и 15 и так далее (рис. 4). Греки также высоко ценили квадратные числа, на основании того, что существуют определенные количества точек, формирующие квадрат. Вот пример квадратных чисел: 4, 9 и 16 и так далее (рис. 5). Геометрию считали откровением, полученным от Бога, и любые взаимосвязи, которые греки могли установить между числами и геометрическими фигурами, демонстрировали нечто священное, а также определяли глубинные структуры жизни. Пифагорейцы верили, что все должно иметь физическое проявление. Даже мысли, чувства и концепции (например, справедливость) они считали в какой-то степени физическими. Это вовсе не так глупо, как может показаться на первый взгляд. Задумайтесь вот о чем. Сегодня у нас есть инструменты, способные регистрировать и измерять мысли в виде потока электронов, излучаемого мозгом. Поэтому, хотя мы не считаем мысли чем-то таким же физическим, как, скажем, камни и деревья, мы должны согласиться с древними греками, что это все лишь вопрос разной степени одного и того же качества.

Рис. 4. Треугольные числа 3, 6 и 15

Рис. 5. Квадратные числа 4, 9 и 16

В космогонии греков не было ничего абстрактного. Греки считали, что все, что существует, физически или в умах людей, буквально состоит из монад, то есть из единиц или геометрических точек. Знаменитое высказывание Пифагора «Все сущее – это числа» вовсе не обязательно должно иметь тот смысл, который приписывают ему в наши дни. Сегодня, исходя из точки зрения физики, мы полагаем, что математические связи объясняют физическую реальность. Современные специалисты по числовому символизму придерживаются сходной точки зрения, но исходят из убеждения, что числа выражают природу духовных принципов. Пифагор же просто имел в виду то, что любая данная конкретная вещь или событие состоит из некоторого количества монад. Все сущее было числом. В буквальном смысле этого слова.

Конечной целью числового символизма Пифагора была гармония; в наши дни целью является понимание психологии, духовные инсайты и предсказания. В отличие от нас, греки не делали акцент на значении отдельных чисел. Гармония между числами устанавливалась посредством сложения, умножения и деления, и именно поэтому разработки древних греков так сложны для понимания. Вот несколько примеров их принципов гармонии.

Изобильные числа. Это числа, сумма делителей которых больше самого числа. Двенадцать является изобильным числом, потому что 1, 2, 3, 4 и 6 (делители, числа, на которые делится 12) в сумме дают 16 (на четыре больше, чем 12).

Дефектные числа. Это числа, сумма делителей которых меньше самого числа. Десять является дефектным числом, потому что 1, 2 и 5 (его делители, числа, на которые делится 10) в сумме дают 8 (на два меньше, чем 10).

Совершенные числа. Это числа, сумма делителей которых равна самому числу. Шесть является совершенным числом, потому что 1, 2 и 3 (числа, на которые 6 делится без остатка) в сумме тоже дают 6.

Дружественные числа. Это два различных числа, делители каждого из которых в сумме дают другое число. Числа 220 и 284 являются дружественными, потому что одиннадцать чисел, на которые делится 220, в сумме дают 284, а пять чисел, на которые без остатка делится 284, в сумме дают 220.

Четно-четные, нечетно-нечетные и четно-нечетные числа. Эти числа образуются при умножении четных (женских) и нечетных (мужских) чисел. Так, $2 \times 2 = 4$, которое является четно-четным числом, потому что оба сомножителя являются четными числами. Десять является четно-нечетным числом, потому что это число является результатом умножения 2 (четного числа) на 5 (нечетное число). Когда перемножаются два нечетных числа, например 5 и 7, в результате получается нечетно-нечетное число – 35.

Этот очень краткий обзор идей Пифагора дает некоторое понимание корней современного числового символизма. Я не слишком углублялся в интерпретацию этих древних концепций, пытаясь адаптировать их к современному пониманию, и не оценивал всю систему в целом. Это могло бы стать темой отдельной книги. В данной же книге я преследую цель познакомить читателя с малоизвестными истоками числового символизма и дать общее представление о процессе, который породил современную математику и современное использование числовой символики. Эти дары древних помогли нам стать теми, кем мы сегодня являемся. Было бы ошибкой по пунктам критиковать идеи древних греков, чтобы выявить все нестыковки и разногласия. Необходимо помнить, что Пифагор работал над созданием системы мудрости. Его мудрость нельзя оценивать по математическим методам, которые он разработал, а тем более по нашему восприятию его концепций. Вряд ли кто-нибудь в наши дни понимает символическую систему Пифагора в целом или ту духовную мудрость, которую он выражал математически. Его методы были попыткой (и прекрасной попыткой) разработать систему нумерологических символов. Тот факт, что сегодня мы с легкостью выявляем ошибки, ограничения и слабые

места древней математики, не умаляет достижений Пифагора. Он просто демонстрирует, что мы должны прибавить к ним.

Даже в эпоху Пифагора в воздухе витали перемены. Кое-кому уже стало понятно, что определенные элементы философии не согласуются друг с другом.

«Как бы далеко не уходил Пифагор от религии в сторону чистой науки, его работы никогда не превращались в бесстрастные научные исследования природы... Он всегда искал в них символический смысл. Многочисленные символические толкования открытий Пифагора редко когда объединяются в единую, согласованную систему рационального мышления»¹².

Основным критиком идей Пифагора был Парменид, основатель философской школы элеатов. В эту группу входили такие выдающиеся философы, как Зенон, Эмпедокл и Аристотель. Их фундаментальные разногласия касались природы числа 1. Элеаты утверждали, что если 1 – это неделимое Единство и если все во Вселенной состоит из некоторого количества этих базовых строительных блоков (монад), каким образом возникает многообразие (двойственность, или дуализм)? Ведь если бы художник пользовался только красной краской для написания своих картин, как он мог бы получить весь спектр радуги? В результате подобных дискуссий, которые были абсолютно серьезными в то время, 1, в конце концов, признали одновременно четным и нечетным числом, а не только нечетным. Элеаты рассуждали следующим образом: если 1 является одновременно четным и нечетным числом, то оно обладает способностью производить как четные, так и нечетные числа. К сожалению, они не стали разрабатывать этот вопрос дальше, потому что это делало 1 двойственной, и неделимое Единство больше не было ее природой. Если такое противоречие существовало в самом фундаменте идей Пифагора, оно вызывало сильные сомнения во всех его логических построениях.

Пифагорейская школа процветала примерно с 550 года до нашей эры до 400 года до нашей эры, когда она уступила место философии Платона. Идеи греческого числового символизма постепенно приходили в упадок и, в конце концов, оказались забыты примерно в 500 году нашей эры. Закат наступил не из-за ошибочности системы, а вследствие того, что «ученики великого мистика не смогли выйти за пределы одной-единственной методики комбинаций и трансформаций чисел и не обладали мужеством для того, чтобы пойти по пути рационального мистицизма»¹³.

Глубокое изучение этого вопроса и размышления над ним привели меня к убеждению о том, что, вероятно, фатальной ошибкой пифагорейской системы было отсутствие в ней 0. Ноль, как мы увидим несколько позже, относится к исходным числам. Именно здесь в недифференцированной форме рождаются все парадоксы, противоположные полярности и бесконечно разнообразная панорама жизни. Более того, 0 является абстракцией – а таких концепций у греков не было. Ноль позволил бы 1 стать первым мужским числом, вместо 3, а 2 осталась бы первым женским числом. Не имея 0, греки были вынуждены объединить значения двух чисел – 0 и 1 – в единицу, что заставило 3 стать мужским принципом и первым мужским числом. Эти противоречия были очевидны даже во времена Пифагора, хотя причины их ускользали, в результате чего создание системы не завершилось успехом.

Прошло несколько столетий. В Индии примерно за два века до нашей эры начала создаваться еще одна система чисел. К 600 году нашей эры произошел прорыв, имевший величайшее значение для всего мира – была изобретена система написания чисел, которой мы пользуемся и поныне. Это была первая по-настоящему абстрактная числовая система, состоящая из девяти нынешних цифр и 0. В ней использовались поместные значения чисел (которые при-

¹² J. E. Ravens. Pythagoreans and Eleatics (Chicago: Ares Publishers, 1966), p. 129.

¹³ Lucien Gerardin. Le Mystere des Nombres (St.-Jean-de-Braye, France: Editions Dangles, 1985), p. 190.

меняются и по сей день), поэтому одно и то же число, например 3, могло означать 3, 30, 300 или 3000; для изменения значения к цифре 3 просто добавляли нужное количество нолей. Благодаря включению в эту систему 0 стало возможным написание практически любого числа; можно было также производить любые расчеты на основе всего лишь десяти чисел. Именно это открытие, сделанное в Индии, сделало возможным появление современной математики.

Арабы переняли новые индийские числа примерно в 700 году нашей эры; к тому моменту они только что завоевали весь север Африки и Испанию вплоть до Пиренеев на юге Франции. На остальной территории Европы жители продолжали пользоваться римскими цифрами, как они это делали на протяжении нескольких тысячелетий. Индийские числа появились в Европе впервые примерно в 1000 году. Некий человек по имени Герберт, который впоследствии стал Папой римским Сильвестром II, во время путешествий в Испанию, оккупированную арабами, открыл для себя числа, которыми пользовались арабы. К сожалению, ни Герберт, ни его спутники не обладали навыком делать письменные вычисления. Они не поняли индийскую систему записи чисел, и особенно ту роль, которую играл в ней 0. Главный вклад Герберта в математику заключается в использовании апексов на счетах. Апексы – это костяшки с вырезанными или написанными на них цифрами. Поэтому для того, чтобы отложить, например, число 2, нужны были не две костяшки, а одна, с написанной на ней цифрой 2. Для нуля апексов не было, и этот столбец оставался пустым, как прежде (рис. 6).

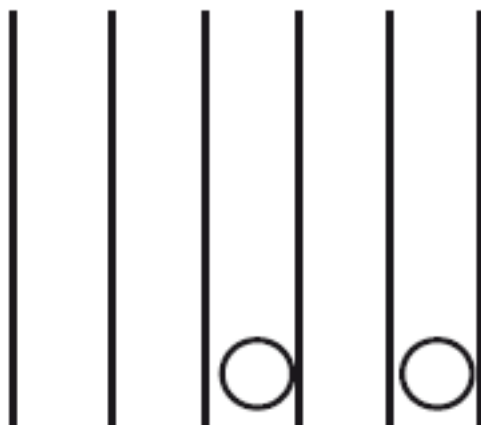

Рис. 6. Число 204, отложенное на счетах с использованием апексов Герберта

Поскольку «иностранные числа» были непонятны, они в тот момент не получили признания, и европейцы еще два века промучились с римскими числами и счетами.

Прорыв случился в 1202 году, когда была опубликована книга «Liber Abaci: Book of computations» («Счеты: Книга вычислений»).

Ее автором стал известный математик Фибоначчи, которого называли Леонардо Пизанским. Эта книга содержала все математические знания того времени. Она смогла познакомить европейцев с арабскими цифрами, поскольку наглядно демонстрировала, как их использование помогает решать повседневные проблемы. Тем не менее понадобилось еще три столетия, чтобы в Европе эти числа полностью вошли в обиход. Во Франции даже в 1750-х годах римские числа считались официальными государственными. Европейцы так отчаянно сопротивлялись введению новой системы, потому что им было сложно понять ее, особенно то, что было связано с использованием 0. Они недоумевали, как может существовать число, обозначающее «ничто». Далее, если 0 сам по себе не имеет никакого значения, как он может увеличивать

значение числа в десять, сто или тысячу раз просто потому, что его написали справа от числа? Непостижимо! Название «ноль» («null»), обозначающее число 0, впервые появилось в Италии в 1485 году. «Это число, которое ничего не обозначает, и поэтому не является числительным, не является числом, представляет собой то, что на латыни называется *nulla figura*»¹⁴. Зачастую 0 считали творением дьявола. Ужас и смещение, которые окружали 0 на протяжении нескольких веков, стали причиной того, что в современном числовом символизме, а особенно в пифагорейской и каббалистической нумерологии, 0 не является символическим числом. Более того, алфавитные числа, на которые сильно повлияла пифагорейская нумерология и которые заложили основы каббалистической нумерологии, имеют только положительные целые значения.

На протяжении нескольких столетий, которые прошли после появления арифметической книги Фибоначчи, европейцы боролись против использования арабских чисел. На протяжении этого периода существовали любопытные гибриды арабских и римских числительных, например CC2 (202, C означало 100, написанное римскими числами); 15X5 (1515; X – это римское число 10); 1·5· | | | | (1504, написанное римским числом 1, повторенным 4 раза)¹⁵. Во Флоренции, Италия, в 1229 году законом было запрещено пользоваться арабскими числами, поскольку римские числа нельзя было подделать. Многие люди чувствовали в себе желание проверить результаты арабских вычислений на пальцах. В конце концов, развитие торговли и новые способы использования бумаги поспособствовали тому, что в начале 1500-х годов начали повсеместно использовать арабские числа. Перемена была вызвана усилением потребности в ведении отчетности в сочетании с высокой эффективностью арабских чисел.

Итак, примерно пять веков назад наконец-то была подготовлена база для современной математики. Алгебру изобрел в начале IX века Аль-Хорезми, исламский философ, живший в Персии. В начале XVII века, примерно через восемьсот лет, Рене Декарт и Пьер де Ферма выдвинули концепции аналитической геометрии. Вскоре после этого было разработано дифференциальное исчисление, которое впервые дало математическое выражение концепции бесконечности. Статистика и теория вероятности бурно развивались в 1700-х годах, а в конце 1800-х годов появилась термодинамика. Математика бурно развивалась.

К сожалению, этого нельзя сказать о числовом символизме. На протяжении столетий быстро растущая христианская Церковь тщательно искореняла нехристианские верования, действуя широкомасштабно и прибегая к крайним и жестоким мерам. «Уже в 382 году нашей эры церковь официально объявила, что любое сопротивление ее догмам и предпочтение других верований должно караться смертной казнью»¹⁶. Церковь начала энергичную борьбу со своими конкурентами, древними великими мифами и системами мудрости, в том числе и числовым символизмом, а также со всеми, как праведниками, так и грешниками, кто осмеливался выступать против Церкви (или кого обвиняли в этом).

Церковь не ослабляла своих усилий на протяжении целого тысячелетия. «Изучение медицины было запрещено на основании того, что все болезни вызваны демонами и их можно лечить только посредством экзорцизма (изгнания демонов)»¹⁷.

Чудовищное невежество и суеверия, господствовавшие в Европе на протяжении «темных» веков, отчасти были обусловлены тем, что «христиане сказали, что одним из дьявольских симптомов приближающегося конца света является „распространение знаний“. Они пытались

¹⁴ Karl Meninger. Number Words and Number Symbols: A Cultural History of Numbers (Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1970), p. 403.

¹⁵ Karl Meninger. Number Words and Number Symbols: A Cultural History of Numbers (Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1970), p. 30.

¹⁶ Barbara G. Walker. The Woman's Encyclopedia of Myths and Secrets (San-Francisco: Harper and Row, 1983), p. 209.

¹⁷ Там же. С. 210.

бороться с ним сжиганием книг, разрушением библиотек и школ и запретом получения образования мирянами»¹⁸.

В первые годы XVII столетия началась научная революция, которая пробудила воображение. Это была эпоха Галилео Галилея и Исаака Ньютона, начало того периода рационального мышления и оптимизма, который вошел в историю под названием эпохи Просвещения. Точные науки отныне опирались на экспериментальный метод. В такой атмосфере числовой символизм и другие формы того, что можно назвать донаучными системами знаний, подвергались дискредитации и вытеснялись вплоть до забвения. Духовность и мудрость перестали быть главными ценностями, мир был очарован поразительными естественно-научными достижениями, настаивающими на необходимости доказательств посредством тщательно спланированных экспериментов.

Традиция числового символизма продолжала существовать, несмотря на гонения со стороны христианской церкви и открытое пренебрежение со стороны мира, обратившего свои интересы и внимание на естественные науки. В начале 1500-х годов мистик Генрих Корнелиус Агриппа изобрел систему соответствия чисел буквам германского и романского алфавитов, в зависимости от положения и порядка букв. Это заложило тот фундамент, на котором сегодня функционирует пифагорейская нумерология. Крупной инновацией в пифагорейской нумерологии стала разработка метода сведения чисел к одной-единственной цифре – это распространенная техника нумерологического анализа. Термин «нумерология», которым сегодня обозначают всю область числового символизма, впервые появился в конце 1890-х годов, то есть немногим более ста лет тому назад. С тех пор была проделана большая работа по расширению и углублению концепций и интерпретаций пифагорейской нумерологии. Однако математическая структура, которая является истинным фундаментом этого искусства, не используется в числовом символизме вот уже много веков. В результате пифагорейская нумерология свелась к самому зачаточному уровню.

Итак, мифическая эстафетная палочка перешла от гнозиса к точным наукам и математике. Промышленная революция, зарождавшаяся в Англии примерно в 1760 годах, определила курс развития прагматических и индустриальных 1800-х. Одновременно возникали все новые области естественных наук и математики. Меньше чем за столетие мир шагнул от аграрной культуры, настроенной на динамику и циклы природы, к механистическому и технологическому обществу, имеющему опорой естественные науки и математику для открытия объективных истин относительно нашей жизни и реальности. В конце XIX века людям казалось, что у свершений науки и математики нет пределов.

А затем, в самом начале XX века, в умах людей произошла революция и интеллектуальное пробуждение; это была настолько глубокая трансформация восприятия, что она изменила буквально все... и продолжает менять до сих пор.

В математике этот этап эволюции мышления называется нелинейностью.

¹⁸ Barbara G. Walker. *The Woman's Encyclopedia of Myths and Secrets* (San-Francisco: Harper and Row, 1983), p. 210.

Глава 2

Новое математическое мышление

Это сказано о Карле Юнге, швейцарском психологе, и Вольфганге Паули, физике и нобелевском лауреате:

«Если эти люди правы, то физика – это исследование природы сознания».

Гэри Жуков «Танцующие мастера Ву Ли»

Минувший век стал свидетелем зарождения и расцвета нового мышления, которое ранее называли бы безумием. Новое восприятие, которое выражалось в нерациональном способе смотреть на реальность, возникло в искусстве, общественных науках и физике в начале XX столетия. Этот образ восприятия выразился в концепциях, выходящих за рамки здравого смысла и логических построений, а также идеях, которые казались бессмысленными в то время. Даже сегодня, спустя почти сто лет, многие люди все еще не готовы к принятию этого нового сознания и не желают проживать свою жизнь в соответствии с ним.

В психологии вестником нового стала идея о бессознательном. Сегодня, когда для нашей цивилизации характерно принятие идеи бессознательного, очень трудно представить себе жизнь без этой концепции. Однако когда Зигмунд Фрейд, австрийский психоаналитик, пришел к этой идее в 1893 году, это была совершенно сумасшедшая мысль – принять за истину, что за всем тем, что мы думаем и осознаем, существует целый пласт бытия, который якобы совершенно неизвестен нам. Бессознательное представляет собой глубинный уровень нашего бытия, на котором царят инстинкты и в котором два плюс два вовсе не обязательно равно четырем. В 1913 году впервые прозвучало симфоническое произведение Игоря Стравинского «Весна священная». Композитор использовал грубые диссонансы для выражения пробуждения весны от долгой зимней спячки. Это были резкие и немелодичные звуки, которые казались иррациональными для слушателей, привыкших к гармонии и мелодичности. Сейчас, когда диссонанс часто присутствует в музыке, мы более готовы воспринимать такие звуки и даже наслаждаться ими, чем люди, жившие в преддверье Первой мировой войны.

В этот же период испанский художник Пабло Пикассо создал направление живописи, известное под названием кубизма, пик расцвета которого пришелся на 1908-1914 годы. На многих полотнах Пикассо изображены предметы под различными углами или различные состояния человека, которые в реальности невозможно увидеть одновременно. Такого рода «невозможные» изображения бросали вызов традиционному видению вещей или людей – шаг за шагом, одна грань за другой. В период расцвета кубизма русский художник Василий Кандинский создал полностью абстрактное искусство «форм, движущихся в абстрактных пространствах»¹⁹. Источником вдохновения для создания этих полотен стала некая неизвестная реальность или состояние бытия, которые не имели никакого отношения к обычной жизни и природе. Несколько десятилетий спустя художник-сюрреалист Сальвадор Дали стал рисовать объекты сновидений или другой реальности. Например, на картине «Постоянство памяти», написанной в 1913 году, изображены часы, увядающие на фоне пейзажа сновидения, несуществующего в повседневной жизни, но точно воспроизводящего некоторые реальности, описываемые физикой!

Однако нив одной области человеческой деятельности эта революция в восприятии не проявилась так ярко, как в физике. Наше фундаментальное понимание жизни в XX веке было

¹⁹ Joseph Loffan Morse, editor in chief, *Funk and Wagnals Standard Reference Encyclopedia* (New York: Funk and Wagnals, 1962), vol. 1, p. 120.

полностью пересмотрено, и многие вещи получили научное доказательство. Это новое видение реальности настолько отличалось от того, которое казалось самоочевидным для наших глаз и умов, что было почти непостижимым для нас. Все это началось в 1905 году, когда Альберт Эйнштейн сформулировал свою специальную теорию относительности, а продолжилось в 1915 году, когда ученый предложил общую теорию относительности. Эти два события стали переломными: они знаменовали рождение идеи о том, что пространство и время это взаимосвязанные элементы одного и того же – пространства-времени. Они идут рука об руку, и если у вас есть пространство, то у вас есть и время. Связь пространства и время неразрывна, и если меняется состояние одного элемента, изменяется и другой элемент. Именно это и происходит, когда возрастает скорость объекта. По мере того как скорость растет, время замедляется и происходит уменьшение физических размеров. Хотя самые сильные изменения происходят при скоростях, выходящих за рамки современных возможностей человечества, физики смогли доказать этот постулат даже при тех скоростях, которые достижимы в наше время. Один из способов понять эту концепцию – это представить себе двух близнецов, которых разлучили. Один остается на Земле, а другой путешествует в космосе со скоростью, близкой к скорости света. Через несколько лет близнец-путешественник возвращается на родную планету и обнаруживает, что на ней прошло несколько веков! В различных уголках вселенной пространство-время демонстрирует различные состояния. В крайних своих проявлениях – в так называемых черных дырах – пространство и время не существуют в том виде, в каком мы их знаем. Фактически, к черным дырам неприменимо то, что мы называем законами природы. В остальных областях вселенной пространство-время представляет собой континуум, напоминающий ткань, которую можно скручивать, сворачивать, складывать и менять каким-то иным способом. Это не та гладкая и непрерывная целостность, которую мы некогда представляли себе. Похоже, что объекты наподобие солнца и луны представляют собой сгущения пространства-времени; это состояние в чем-то сродни пару, который застывает и превращается в лед при определенных состояниях. Гравитация же не столько сила притяжения между объектами, сколько искажение пространства, искажение, вызванное материей.

Даже беглый и поверхностный взгляд на царство физики отчетливо показывает разрыв с тем научным мышлением, которое существовало до XX века. Приближаясь к концу этой самой краткой из возможных историй математики, мы преследовали две цели. Первая заключалась в том, что увидеть, что математика, физика и числовой символизм говорят на языке чисел. Очень полезно знать общую историю этих нескольких диалектов одного и того же языка. Вторая же цель была такова: физика пришла к глубоким выводам относительно природы реальности, которые в отдельных случаях практически идентичны убеждениям мистиков, существовавшим на протяжении нескольких тысячелетий. Подобно физикам, я убежден в том, что в концепциях числового символизма можно открыть духовные принципы. Это будет нелегкой задачей. Физика как наука сделал огромный шаг вперед с момента появления в 1600-х годов работ Исаака Ньютона. С тех пор десятки гениальных умов постепенно подняли физику до ее нынешнего уровня. Я верю в то, что можно увидеть духовные принципы в формулах и теориях физики, интерпретируя их в соответствии с символизмом чисел. Полное развитие этой системы знаний – процесс, который не может быть закончен ни каким-то одним человеком, ни даже на протяжении жизни одного поколения. Этот процесс потребует вкладов многих людей. Предлагаемая вашему вниманию книга и является достойной попыткой, предпринятой в этом направлении.

Если читатель позволит мне заняться теоретическими спекуляциями, то я хотел бы проиллюстрировать потенциальные возможности физики для духовных инсайтов на примере интерпретации физической формулы, знакомой практически всем, – формулы Эйнштейна $E = mc^2$. Эта формула выражает идею того, что масса (материя) и энергия представляют собой различные состояния одной и той же субстанции. Они взаимосвязаны. Эта формула демон-

стрирует конкретную взаимосвязь между энергией и материей. Она говорит следующее: энергия равна массе, умноженной на скорость света в квадрате. К счастью, для того чтобы понять эту концепцию на языке числового символизма, вовсе не обязательно понимать математическую концепцию этой формулы. Единственное, что требуется – это соотнести эту концепцию физики с определенными механизмами жизни. Давайте начнем с E , которая обозначает энергию. В физике это сила, которая измеряется по способности совершать некоторую работу. Природа энергии противоположна природе материи, поскольку первая не имеет структурированной физической формы. Чтобы понять, что такое «энергия» с точки зрения числового символизма, мы должны задать себе такой вопрос: как мы называем ту часть нашего существа, которая представляет собой исключительно энергию? Я полагаю, что это будет наша жизненная сила, наш дух, или наша душа, оживляющие нашу физическую форму. Освобождение от физической формы обычно происходит в результате физической смерти. Оно может также происходить (и это моя гипотеза) в результате использования высшего Знания, и именно этот процесс и должна описывать данная формула!

По другую сторону знака равенства мы видим букву m , которая обозначает массу. В физике масса – это физическая материя объекта. Но с чем можно соотнести массу на духовном уровне? В символизме чисел масса должна быть нашим физическим телом, которое в конечном итоге представляет собой форму, которую принимает наше Духовное существо на период земного существования. Поэтому обсуждаемая нами формула – это утверждение о том, что душа и инкарнация (воплощение) души каким-то образом взаимосвязаны. Но каким именно? В формуле Эйнштейна эта взаимосвязь устанавливается посредством умножения массы на квадрат скорости света (c^2). Я предполагаю, что с точки зрения символизма чисел здесь дано указание на то, что мы должны делать для того, чтобы перейти из одного состояния в другое. Иначе говоря, похоже, что эта формула объясняет, как входить в тело и выходить из него!

У большинства людей существуют какие-то представления о теле и душе. Единственное затруднение в данном вопросе составляет роль, которую играет c^2 . Что общего может иметь скорость света с переходом в том или ином направлении? Общеизвестно, что скорость света постоянна и составляет 299 792 458 метров в секунду. Мы сразу же узнаем, что у нас возникают трудности с этой частью формулы, потому что нам очень сложно представить себе фотон света, пролетающий сотни тысяч километров за одну секунду. Это то же самое, как облететь вокруг Земли 6,5 раза за одно биение сердца. В символизме чисел большие числа соотносятся с глубоким смыслом, который в данном случае нам почти невозможно понять. Скорость света в квадрате необычайно большое число – 15 996 000 000. Позднее я подробно объясню то, что чем больше цифр содержит число, тем более глубокий человеческий опыт оно представляет. Поскольку скорость света в квадрате – это десятки миллиардов, то c^2 соотносится с состоянием духовного очищения, в котором «Я» освобождается от Колеса кармы. Это колесо вращает двойственная дилемма страха и желания. Поэтому чтобы активировать формулу Эйнштейна на духовном уровне, необходимо применить абсолютно чистое духовное намерение к жизни человека. Число 15 996 000 000 указывает на конкретную форму, которое должно принимать это чистое духовное намерение.

И в заключение еще несколько слов о духовной важности знаменитой формулы Эйнштейна. Хотя мы уже объяснили ее смысл с точки зрения числового символизма, не было и речи об интерпретации персонального смысла этой формулы. Если мы не поймем все частей этой формулы в персональных терминах, она бессильна трансформировать нашу жизнь. Каждый из нас знаком с «персональным значением» широкого спектра обычных жизненных переживаний счастья, страха, любопытства, ненависти, наслаждения прекрасным и так далее. Но что это за психодуховный опыт, который символизирует квадрат скорости света? Каким образом человек может применить абсолютно чистое духовное намерение к своей жизни? До тех

пор пока мы не будем знать это так же хорошо, как, например, вкус шоколада, мы будем напоминать человека, обладающего комбинацией цифр, открывающей цифровой замок, но не способного повернуть ручку двери и отпереть ее.

Далее в этой книге мы обсудим, как интерпретировать числа для выявления их персонального смысла – этот аспект зачастую упускают из виду при изучении числового символизма. А сейчас давайте вернемся к нашему синопсису современной физики и рассмотрим поразительные выводы, сделанные относительно природы вещества. Квантовая физика является областью физики, исследующей мельчайшие частицы, из которых состоит материя, так называемые субатомные частицы, или кванты. Кванты – это мельчайшие пакеты энергии, из которых состоят атомы. В обычном атоме кванты занимают лишь одну квадриллионную часть размера атома. Все остальное это пустое пространство. Ничто. Пустота. Это означает, что книга, которая лежит перед вами, на самом деле практически не содержит вещества. Вы держите в руках пустоту! Это означает, что если бы ваша машина заводилась лишь один раз на каждый квадриллион попыток и если бы вы, не впадая в вполне естественное отчаяние, делали эти попытки раз за разом, то вам потребовалось бы тридцать миллионов лет, чтобы завести мотор!

Как бы ни были малы атомы, субатомные частицы значительно мельче. В настоящее время идентифицировано около 140 таких частиц. Ключевым моментом в их исследовании является природа света, поскольку пространство (которое включает в себя материю) и время претерпевают полную трансформацию в момент достижения скорости света. С 1803 года после работ Томаса Янга полагалось, что свет состоит из волн, имея в виду волны энергии, в чем-то напоминающие волны океана. Однако в 1900 году Макс Планк внес в эту концепцию путаницу, доказав, что свет состоит не из волн, а из маленьких порций энергии, которые он и назвал квантами. Результатом этого открытия стал парадокс, который физики не могут до конца понять до сих пор. Дело в том, что свет существует в обоих состояниях – в виде волн и частиц, – но никогда это не происходит одновременно. Таким образом, если исследовать корпускулярное состояние фотонов (в виде частиц), то они не существуют в этот момент в волновой форме, и наоборот. Никто до сих пор не понимает, почему свет может существовать в виде двух взаимоисключающих форм.

В 1905 году Альберт Эйнштейн пошел в своих рассуждениях еще дальше и доказал, что в виде квантов существует не только свет, но и энергия любого вида, и что эти кванты состоят из определенных паттернов энергии. Энергия по своей природе жизненно важна для понимания материи, потому что сейчас считается, что атомы (которые, как раньше думали, состоят исключительно из твердых частиц) состоят исключительно из энергии. Эту теорию выдвинул Эрвин Шредингер, который был убежден в том, что протоны, электроны и нейтроны состоят не из твердых частиц, а из того, что он назвал «стоячими волнами энергии». Другими словами, в безбрежном море атомного и субатомного пространства отдельные вкрапления материи представляют собой на самом деле кусочки структурированной энергии. Поэтому книга, которую вы держите в руках, и сами ваши руки представляют собой пространство, приправленное мельчайшими фрагментами энергии; иначе говоря, материи. Но какой материи?

По мере того как физики продолжали изучать природу субатомных частиц, они столкнулись с еще одним сюрпризом: субатомные частицы изменяются, когда человек наблюдает за ними. Избежать этого нельзя: наблюдать значит изменять. Потрясающий пример из опыта физиков: если две частицы становятся предметом внимания человека-наблюдателя, одна из них буквально исчезает. Куда? Ученые не знают этого. А теперь давайте удивимся еще раз, на сей раз поведению фотонов. Чтобы упростить этот пример, представьте себе, что вы наблюдаете один-единственный фотон света, который может долететь до вас двумя различными путями. «Если вы спокойно сидите и ждете прибытия фотона и видите его только в том случае, когда он действительно прибывает, то эта частица движется по обоим путям. Я знаю, что

это невозможно, но мы говорим на языке квантовых понятий»²⁰. Так свет путешествует в тех случаях, когда человек не наблюдает за ним. Но если вы решите понаблюдать за этим фотоном в процессе движения, чтобы увидеть, каким именно путем он движется, «то это создает совершенно иную квантовую ситуацию. Это означает, что частицы должны двигаться либо по одному пути, либо по другому. Поэтому, как только вы решите понаблюдать за частицей, она будет двигаться только по одному пути»²¹.

Для физика, работающего в полевых условиях или лаборатории, вышеприведенные выводы – всего лишь честные факты физической реальности. Большинство физиков неистово сопротивляются одному предположению о том, что их открытия имеют философские или мистические выводы. Однако для всех тех, кто знаком с метафизическими учениями, вполне очевидно то, что концепции субатомных частиц, о которых мы только что говорили, тесно связаны с метафизическими понятиями. Сутью любой духовной традиции является идея о том, что мир это иллюзия и то, что мы воспринимаем своими органами чувств, не есть реальный факт. Похоже, что в физике такой идеей является вывод о том, что лишь одна квадриллионная часть пространства содержит материю. И хотя мир (и все сущее в нем) производит впечатление такой же крепости и нерушимости, как скала, физики доказали, что твердое вещество просто-напросто не существует, поскольку субатомный мир состоит всего лишь из энергетических моделей; и что эти энергетические модели меняются, когда люди думают о них. Это тоже подтверждает духовные учения, согласно которым мы можем творить свою собственную реальность, контролируя первичную энергию или влияя на нее. Похоже, что основное различие между «субатомными частицами» и «первичной энергией» (метафизический термин) заключается лишь в семантике. Это всего лишь разные названия одного и того же. Если это так, в чем лично я убежден, то физика предлагает точные механизмы, объясняющие духовные принципы.

По мере того как мы будем углубляться в обсуждение субатомных частиц, мы увидим, что метафизические интерпретации физических открытий будут все более убедительными. Представление о том, что наблюдения человека неизбежно меняют субатомную реальность, вызывает большое замешательство среди физиков. Это позволяет предположить, что именно мы, люди, создаем свою собственную реальность, что является ключевой концепцией метафизики. Исходная предпосылка духовных учений гласит, что каждый человек несет в себе искру Божью, прерогативой которой является создание той жизни и реальности, к которой она стремится. Однако лишь единицы среди физиков хотят, чтобы это оказалось правдой: точные науки в целом стремятся к объективной истине, а не сумятице, содержащей элементы психологии, духовности цели и смысла нашего существования и прочих нематериальных вещей, которые выходят за рамки научного эксперимента. В силу этих причин физики предпочитают обходить то творческое влияние, которое люди оказывают на субатомные частицы. Просто удивительно, что никто из физиков не постулировал существование ментальных квантов как механизмов, посредством которых люди изменяют реальность. Ментальные кванты были бы некоторой формой ранее неизвестной энергии, испускаемой нашим разумом; они взаимодействовали бы с наблюдаемыми нами квантами. Способность фотона света путешествовать по обоим путям до тех пор, пока наблюдатель не заставит его следовать либо одним, либо другим путем, является указанием на колоссальные творческие возможности. Сейчас в физике дела обстоят таким образом, что эффект наблюдателя просто отмечают как результат экспериментального процесса, не делая никаких выводов и не придавая ему никакого значения. Однако в метафизике нельзя упускать из виду важность этого явления. Возможно, тот факт, что «оставшийся без присмотра» фотон движется по двум путям одновременно, является демонстрацией мистического убеждения, согласно которому «все возможно». Мистики также верят, что когда

²⁰ J. H. Brennan. *Time Travel: A New Perspective* (St. Paul, Minn.: Llewellyn Publications, 1997), p. 160.

²¹ J. H. Brennan. *Time Travel: A New Perspective*. P. 161.

наблюдатель заставляет фотон двигаться по одному конкретному пути, этот выбор определяется наблюдателем – выбор, творческий акт, а не просто объективное событие, которое каким-то образом соотносится с участием человека в эксперименте.

В дальнейшем нам будет становиться все яснее, насколько правдоподобна такая интерпретация физики. Субатомные частицы, или кванты, это самый фундаментальный уровень физической реальности, на который проникла современная физика. Как ранее уже говорилось, субатомные частицы на самом деле состоят из энергетических моделей, обладающих определенным размером и структурой. Однако они еще менее вещественны и осязаемы, чем предполагает наличие размера и структуры. Физики определяют субатомную частицу как идею, а не как нечто вполне сформированное. Это не жестко структурированные энергетические модели, а лишь буквально тенденции. В 1924 году Нильс Бор с двумя коллегами описали субатомные частицы как «волны вероятности». Волны вероятности «относятся к тому, что каким-то образом уже произошло, но не актуализировалось. Этот термин описывает тенденцию, которая должна произойти, тенденцию, которая каким-то неопределенным образом уже существует, даже если никогда не превращалась в событие. Волны вероятности были математическими каталогами этих тенденций»²². Концепции физики иногда очень трудно понять тем, кто не привык работать с ними. Поэтому давайте рассмотрим метафору этой «тенденции, которая должна произойти» в виде семени, которое готово дать росток весной. Семя представляет собой субатомную частицу. Но вовсе не каждому семени удастся прорасти. Следовательно, мы можем сказать, что существует вероятность, а не определенность того, что из отдельно взятого семени вырастет растение.

В повседневной жизни к земным делам мы не подходим с такой точки зрения. Дом, машина, семья и домашние животные завтра будут точно такими же, как сегодня, если не случится чего-то непредвиденного. Но если бы вы неожиданно поцарапали крыло семейного автомобиля на стоянке перед универсамом, было бы крайне нереалистично считать эту царапину «вероятностной», которая демонстрировала бы тенденцию оказаться на том же месте завтра, но, с другой стороны, могла бы и исчезнуть. Однако на субатомном уровне на смену определенности формы приходит тонкая, эфирная реальность вероятности, всех этих «возможно» и «может быть».

Это парадокс, который приводит в смятение. То, что наши органы чувств говорят о материи, является интерпретацией стимулов, которая (и это было доказано учеными) иногда не имеет ничего общего с самими стимулами. Мы буквально делаем что-то из ничего. Какой бы непостижимой ни казалась эта мысль, ее можно принять через метафору облаков. Когда мы смотрим на облака, плывущие по небу, они выглядят огромными пышными образованиями. Издали облако имеет четкую, различимую форму. Однако по мере нашего приближения к облаку его четкие контуры исчезают. Неожиданно вместо облака оказывается лишь туман, или, если быть совсем точными, разные степени тумана. В непосредственной близости от облака прозрачный воздух затуманивается дымкой, в одних местах более плотной, в других более редкой; дымка в той или иной степени присутствует даже в прозрачном воздухе. Все это вопрос восприятия. Туман – это реальность, подобно океану пустоты субатомного пространства. Облако – это наша интерпретация реальности, та физическая реальность, к которой мы так привыкли.

Вот какой вывод мы можем сделать из всего этого: материя – дом, машина и так далее – не является постоянной и неизменной. Это тоже метафизическое представление, которое лежит в основе ритуалов и молитв, тот фундамент, на котором работает магия.

Некоторые физики полагают, что субатомные частицы наделены сознанием и способностью принимать решения. Это предположение возникло после экспериментов, в ходе которых

²² Gary Zukov. *The Dancing Wu Li Masters* (New York: Bantam Books, 1986), p. 66.

фотоны пропускали через экран. Сначала пропускали фотон, а в экране были две щели, сквозь которые мог пройти фотон, а потом – фотон, но в экране была только одна щель. В результате получались различные световые паттерны, в зависимости от того, проходил свет через одну или через две щели. Но даже при условии того, что фотоны излучали по одному, складывалось впечатление, что они знают, какой паттерн формировать – на основании одной щели или двух. Каким образом фотон может знать это, если он не обладает своего рода сознанием и способностью принимать решения?

Результаты экспериментов демонстрируют также то, что между частицами информация может передаваться мгновенно, независимо от расстояний между ними, даже если дистанция составляет световые годы. Этот вывод был сделан в 1935 году, когда Альберт Эйнштейн, работая с Натаном Розеном и Борисом Подольским, создал то, что получило название «система частиц-близнецов без спина»²³. Почти все субатомные частицы обладают спином. Это одна из их определяющих характеристик. Частицы-близнецы – это две различные частицы, которые каким-то образом сосуществуют друг с другом как одно целое. Каждая частица обладает своим собственным спином, однако их союз не имеет спина, потому что спины двух частиц уравнивают друг друга. Эйнштейн со своими коллегами разделил эти частицы-близнецы, а затем изменил спин одной из частиц. В начале, «когда вы меняете спин одной частицы, спин другой частицы меняется мгновенно. Это происходит независимо от того, какое расстояние начинает разделять эти частицы. Поскольку вторая частица должна изменить спин, то между ними должен существовать информационный обмен»²⁴. И этот обмен информацией происходит со скоростью, превышающей скорость света или любую другую скорость, – он происходит мгновенно. Все эти соображения заставили Гэри Жукова написать такие слова: «У нас практически не остается выбора, кроме как признать то, что фотоны, которые представляют собой энергию, обрабатывают информацию и поступают на основании этой обработки, и что поэтому, как бы странно это ни звучало, они являются в какой-то мере органическими»²⁵. Другими словами, фотоны могут быть живыми!

Здесь опять-таки фундаментальная концепция физики совпадает с основополагающим принципом метафизики: все вещи на физическом плане обладают разумом и жизнью. Первые строки стихотворения Дэвида Клотье обобщают этот мистический взгляд:

«Все, что есть —
живое»²⁶.

Это включает в себя все те вещи в нашем мире, которые обычно считаются лишенными жизни – камни, металлы, ветер, огонь, воду и так далее. При условии достаточно высокого духовного развития человек способен не только видеть эти проявления жизни, но и общаться с ними и даже влиять на их поведение. Карлос Кастанеда, популярный писатель-метафизик, выражает эту мысль с другой точки зрения. Вот что он пишет: «...во Вселенной существует неизмеримая, неопишемая сила, которую маги называют намерением, и все, что существует в космосе, связано с намерением»²⁷. Намерение, как и цель, является характеристикой лишь живых существ, которые обладают сознанием и принимают решения.

²³ J. H. Brennan. *Time Travel: A New Perspective* (St. Paul, Minn.: Llewellyn Publications, 1997), p.158.

²⁴ Там же. С 159.

²⁵ Gary Zukov. *The Dancing Wu Li Masters* (New York: Bantam Books, 1986), p. 63-64.

²⁶ Стихотворение «Вещи, какими их видит шаман» полностью приведено на с. 55-56 в книге Майкла Хорнера «Путь шамана» (Michael Horner. *The Way of the Shaman* (San Francisco, Calif.: Harper and Row Publishers, 1980)).

²⁷ Carlos Castaneda. *The Power of Silence: Further Lessons from Don Juan* (New York: Gramercy Press, 1994), p. 304. (Карлос Кастанеда: Сила молчания: уроки дона Хуана.)

Похоже, что на самом глубинном уровне материя сознательна, а органические субатомные частицы принимают решения. Они более вещественны, нежели мысль, но еще не пребывают в полностью «материальном» состоянии, и когда люди наблюдают за ними, они меняются. Если бы это была полноценная физическая теория, то мы с уверенностью могли бы заявить, что люди играют определенную роль в создании материи. Но есть еще более странная вещь.

Физические эксперименты проводятся в «зоне подготовки», где должно произойти действительное физическое событие, то самое, которое хотят исследовать физики. «Зона измерений» – это метод, разработанный физиками для оценки эксперимента. «Наблюдаемая система» – это действительное событие, которое физики пытаются понять.

«То, что происходит с наблюдаемой системой между зоной подготовки и зоной измерений, математически выражается как корреляция между двумя наблюдаемыми величинами (произведенной и выявленной). Однако мы знаем, что наблюдаемая система является частицей. Другими словами, фотон – это взаимосвязь между двумя наблюдаемыми величинами... Элементарные частицы сами по себе не существуют»²⁸.

Это происходит в силу следующих причин:

«В природе вещи не „коррелируют“. В природе вещи есть то, чем они являются. Точка. „Корреляция“ – это та концепция, которую мы воспринимаем. Без людей „корреляций“ не бывает. Это происходит потому, что только люди пользуются словами и концепциями.

„Корреляция“ – это концепция. Субатомные частицы – это корреляции. Если бы нас здесь не было, чтобы создавать их, то не было бы никаких концепций, в том числе и концепции корреляции. Короче говоря, если бы нас здесь не было, то не было бы и никаких частиц»²⁹.

Поскольку именно субатомные частицы делают физическую реальность тем, чем она является, то и мира, в котором мы живем, не было бы, если бы не было нас, чтобы воспринимать его.

Это кажущееся противоречие похоже на один древний вопрос: если в лесу падает дерево и нет никого, кто слышал бы это, то будет ли звук падающего дерева? Ответ: нет, звука не будет, потому что «звук» – это интерпретация, или ощущение, которое порождает мозг, когда определенные стимулы воздействуют на барабанную перепонку. Без присутствия персоны, слышащей звук, динамика, вызванная падением дерева на землю, остается всего лишь разнообразными вибрациями. Звук – это результат восприятия человека и животных и не является тем, что изначально присутствует в природе.

Для нашей дискуссии очень важно то, что субатомные частицы приравниваются к концепциям. Конечно, субатомные частицы это не единственные концепции, которые можно найти в физике. Вся наша система математики, которой физики пользуются исключительно для познания и описания субатомного мира, состоит из пространной и сложной системы концепций. Помимо концепции самих чисел существуют математические законы, а также формулы и теоремы. Концепты и символы почти идентичны по своим функциям. Вот какое определение концепции дано в толковом словаре Уэбстера: «идея чего-либо, образованная ментально и сочетающая все характеристики или особенности»³⁰. В этом же словаре приводится такое определение символа: «это нечто такое, что используется для репрезентации чего-то другого»³¹. Символы – это концепции того, что они обозначают, а концепции символизируют, или представляют, то, что они обозначают. Различие между этими двумя терминами весьма незначительно. В общем, концепции считаются объективными идеями, сведенными воедино с сознательным намерением, тогда как символы, как правило, это мысль о субъектив-

²⁸ Gary Zukov. The Dancing Wu Li Masters (New York: Bantam Books, 1986), p. 70.

²⁹ Gary Zukov. The Dancing Wu Li Masters. P. 70.

³⁰ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (New York: Gramercy Press, 1994), p. 304.

³¹ Там же. С. 1440.

ных идеях, обладающая философским или духовным значением. Однако далеко не все осознают, что настоящие духовные символы – это концепции, которые тщательно создаются с истинно научной точностью (и это можно сказать без всякого преувеличения). Поэтому мы можем с уверенностью говорить о том, что концепции физики, а фактически и сама физика, являются символами реальности. Хотя точным наукам и математике обычно приписывают ореол объективности и свободу от вопроса «А какой в этом смысл?», тем не менее что может быть более осмысленным, нежели природа физической реальности?

Это очень важный момент в нашем обсуждении. Он включает в себя системы символов и физики и математики и таким образом приравнивает их к различным духовным символическим системам, сферой компетенции которых является Истина жизни. Эти системы включают в себя великие мифологии древности, основные религии и глубокие духовные знания школ мистерий. За последние четыре сотни лет точные науки, физика и математика, утвердили себя в качестве доминирующих систем символов своего времени, имеющих дело с реальностью. Однако с точки зрения символических систем наука еще очень молода и находится на начальных стадиях своего развития, хотя, несмотря на свою молодость, она пленила воображение человечества. Она рождает революционные идеи и теории и стимулирует творческие способности гениев. Она подарила человечеству широчайший ассортимент почти волшебных изобретений и технологий.

Тем не менее, несмотря на свое неоспоримое величие, точные науки лишены одного элемента, присущего остальным уважаемым системам символов, которые развивались и существовали на протяжении веков. Этот элемент – смысл³², и без него точные науки никогда не будут говорить с человеческим духом. Следовательно, в настоящее время точные науки, как интерпретатор реальности, являются несовершенной системой символов.

³² Под этим одним словом «смысл» («meaning») я имею в виду следующие вещи: цель, истину, этику, мораль, духовность, знак, метафизику, совесть, ценности, убеждения, сердце и душу и истинное происхождение и природу людей.

Глава 3

Вечный поиск

Мы никогда не можем ничего по-настоящему понять до тех пор, пока не создадим модель или метафору, берущие начало в нашем уникальном персональном мире.

Эрик Джерсен «Обучение и преподавание, базирующиеся на мозге»

Мы живем, погружившись в мир символов. Символы в гораздо большей степени проникают в нашу жизнь и оказывают на нее фундаментальное воздействие, чем мы это осознаем. Именно поэтому так важно при исследовании математического символизма взглянуть на природу символов и на то, как они работают. Мы склонны думать о символах как о достаточно формальных понятиях, особых объектах или пиктограммах с глубоким значением. На ум сразу же приходят определенные духовные и религиозные символы, например символ инь-ян, звезда Давида (гексаграмма), АУМ, крест, молитвенные четки и карты Таро. Специалисты по символике, ученые, занимающиеся исследованием природы символов, идут дальше и выделяют пять широких категорий: язык, точные науки, искусство, миф и религию, к которым я добавил бы культуру. Назвать множество самых разных символов не составляет труда: свет и тьма (символы добра и зла), реклама (символ товаров и культуры), компьютерные иконки (символы функций компьютера), вино (символ утонченного обеда), железо (символ длительного периода развития человечества), Уолл-стрит (символ финансовой мощи), голубка (символ мира) и так далее. Перечислять подобные примеры можно до бесконечности.

Символы такого рода можно было бы назвать сознательными. При их использовании всегда присутствует определенная степень осознания того, что некий мирской предмет используется как средство для выражения смысла, не имеющего к нему отношения. Это дополнительное значение не является естественным атрибутом самого объекта; значение предмета представляет собой ценность, которая искусственно была перенесена на символ-средство во время сложного процесса развития. Свет и тьма, например, это не добро и зло; это всего лишь различные степени освещенности. Когда мы говорим о свете как символе добра, то всегда осознаем, что мы «используем свет» в символических целях. Мы достаточно хорошо знаем, что свет не обладает реальным или буквальным аспектом, сущностной природой которого было бы добро. Тем не менее свет стал способом выражения этой добродетели – естественным, знакомым и широко принятым.

Сознательные символы – это те, которые «официально назначены» на свою роль. Они составляют лишь незначительную часть символов, присутствующих в нашей жизни. Численный перевес за символами бессознательными. В отношении последних мы даже не осознаем, что это символы, поскольку их смысл настолько тесно переплетается со средствами выражения, что между ними можно поставить знак равенства. «Простой объект» и его «смысл» это синонимы, поэтому когда мы видим эти объекты или просто думаем о них, это дает нам ощущение смысла. Прекрасным примером таких символов являются слова. Все мы знаем, что написанные слова состоят из букв (которые являются символами звуков) и что слова являются символами мыслей. Тем не менее когда нам на глаза попадает какое-нибудь написанное слово, мы проделываем все эти операции, даже не осознавая того, как работает динамика символа. Более того, когда мы физически читаем напечатанные буквы или слова, буквы-символы забываются, поскольку наш ум полностью фокусируется на значении слов. Мы мгновенно ассоциируем слова и их значение – бам!

Словесные символы являются лишь отчасти бессознательными, поскольку мы в любой момент можем получить напоминание о том, что слова это символы, и на несколько секунд, пока мы будем думать об этом, мы сможем ментально разделить символ от его значения.

Существуют мириады символов, которые являются полностью бессознательными. Обычные люди и специалисты, исследующие их, даже не считают их символами. Никто при взгляде на повседневные предметы – бумагу, траву, ступеньки дома, огурцы, чашку воды, облако – не скажет, что они символизируют что-либо. Но они как раз и являются символами. Большинство людей скажет, что бумага это всего лишь бумага, а трава – всего лишь трава. При этом люди не осознают, что эти предметы нашей повседневной жизни являются смыслом, символическими репрезентациями. Они символизируют реальность. Мы думаем, что ощущаем реальность, проживая дни своей жизни, но это не так. На самом деле это наша интерпретация реальности, которую мы ощущаем. Это происходит потому, что на самом деле люди не видят – не способны видеть – Окончательную реальность. Мы существуем в рамках этого правила, пытаясь создавать лучшие идеи о жизни посредством собственного ограниченного понимания. Другими словами, мы составляем свою собственную версию реальности, и в нашем понимании такой реальность и должна быть. Наш мир это символический мир (рис. 7). Это шок – посмотреть вокруг и осознать, что все, включая собственные мысли, символично!

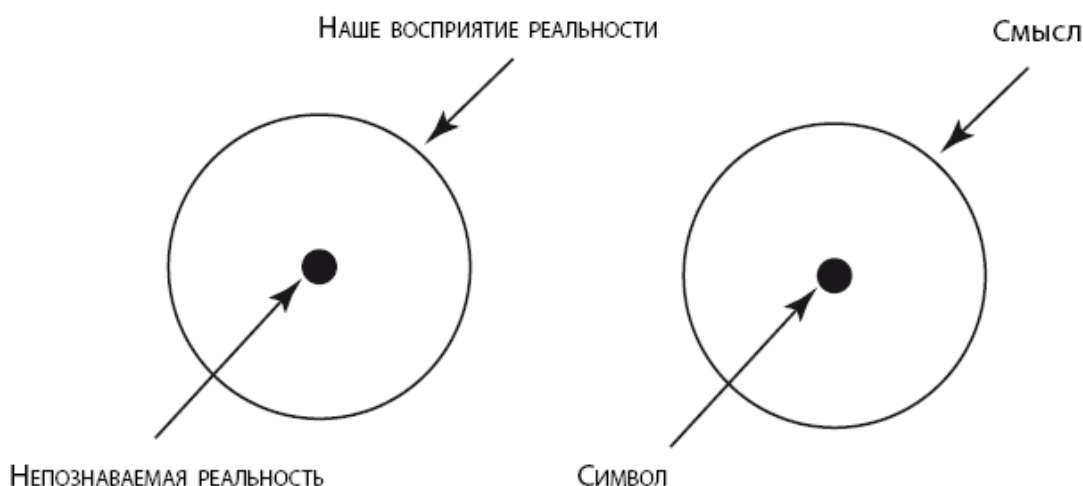

Рис. 7. Наше восприятие непознаваемой реальности ограничено знаниями, с помощью которых мы живем и понимаем жизнь. С точки зрения функций это те же взаимоотношения, которые существуют между официально признанными символами и смыслом, приписываемым им

Метафизика учит, что люди не видят окончательную реальность, хотя и могут увидеть ее, если пройдут необходимое духовное обучение. Субатомная физика тоже разделяет концепцию непознаваемой реальности. На субатомном уровне знакомой физической вселенной не существует. Материя состоит из огромного пространства, заполненного отдельными вкраплениями энергетических паттернов. На этом уровне крошечные фрагменты твердого вещества не существуют. Физики согласны с тем, что у нас нет никаких идей относительно того, на что похож этот причудливый, субреалистический мир. Лучше всего его описывают малопонятные математические уравнения. Иными словами, физика учит нас, что физическая реальность не является ни физической, ни реальной.

Я много раз использовал слово «смысл» для обозначения важности, приписываемой символам. Смысл – это не просто пассивное понимание или интеллектуальный интерес. Скорее, смысл является мощной творящей силой. Каким-то таинственным образом наше убеждение относительно того, какова реальность на самом деле, вызывает эту самую реальность к существованию. Эта идея лежит в основе духовного принципа, согласно которому мы, люди, творим – буквально творим – нашу собственную реальность. Каким-то образом окончательная реальность позволяет нам эту свободу действий. Этот принцип подтверждается и даже уточняется физикой. Существует установленный факт: когда в экспериментах по субатомной физике есть наблюдатели-ученые, то простой акт наблюдения меняет ход событий, который имел бы место в том случае, если бы не было наблюдателя. Обычно акт наблюдения рассматривали как совершенно пассивный. Однако каким-то таинственным образом он оказывает мощное физическое воздействие на фокус внимания. Это нечто большее, чем сила сознания. Это нечто более грандиозное, чем воля для достижения той или иной цели. Мы генерируем творение, это автоматический рефлекс нашей общей природы – того, чем мы являемся. Акт творения происходит, когда мы придаем форму смыслам, изначально присущим нашему существованию. Когда эти смыслы раскрывают свой потенциал в соответствии с путем вещей, они становятся так называемой объективной реальностью. Именно посредством наблюдения физика добавляет смысл в свои эксперименты, создавая таким образом свою версию реальности, как делаем все мы.

Давайте посмотрим, как все это работает на практике, воспользовавшись символами американского национального фольклора в качестве примера. У нас есть множество символов, так или иначе обозначающих Америку: статуя Свободы, флаг, орел, Дядя Сэм, Декларация независимости, Бостонское чаепитие, демократия, система свободного предпринимательства, бейсбол (национальный досуг), война во Вьетнаме, закон о гражданских правах, Аламо³³ Главная улица США³⁴, предводитель свободного мира, конституция, бильярд о правах, отцы-основатели, Перл-Харбор, день D³⁵, бесплатное образование, маленькие американские города, американская находчивость, Голливуд, день Благодарения, проживание в пригороде, Гран-Каньон, Джонни Яблочное Семечко³⁶ и Неизвестный солдат – и это только их часть. Каждый из этих национальных символов вносит свой крошечный вклад в то, что значит быть американцем.

Все эти символы в совокупности составляют портрет Америки и определяют американский дух. Никакой из этих символов сам по себе, по отдельности не является духом Америки. В то же самое время, соприкасаясь с каждым из этих символов своим сердцем и умом, мы проникаемся той неуловимой энергией, которую мы называем Америкой. Без наших национальных символов, без конкретных понятий, на которых мы могли бы сосредоточить свои мысли, этот «дух Америки» (сама эта фраза является национальным символом) существовал бы только в виде ускользающих, иллюзорных и бесформенных возможностей. Именно с помощью определяющих форм мы вызываем символы, которые способен воспринять и постичь (и за которые способен держаться!) наш ум – в противном случае они были бы эфемерными и непознаваемыми.

Этот конгломерат национальных символов, выражающих дух Америки, является лишь одним примером того, что называется знаковой системой. Знаковая система – это совокупность концептов, позволяющих получить определенный тип опыта. Каждая знаковая система состоит из ключевых компонентов, и без этих компонентов опыт существенным образом модифицируется или ограничивается. Этот принцип можно отчетливо проследить в любых технических знаковых системах. В математике изъятие числа 4 или процесса сложения из системы

³³ Битва за миссию Аламо стала одним из главных эпизодов Техасской революции. – *Примеч. пер.*

³⁴ Главная улица – неперенный объект всех тематических парков и Диснейлендов. – *Примеч. пер.*

³⁵ День D – дата высадки американских войск в Нормандии в 1944 году. – *Примеч. пер.*

³⁶ Джонни Яблочное Семечко – один из американских пионеров XVIII века, занимался посадкой яблонь на территории США. – *Примеч. пер.*

будет равносильно краху. В музыке изъятие клавиши или ноты разрушительно повлияет на способность создавать музыку в том виде, в каком мы знаем ее. Этот же принцип работает и для культурных знаковых систем, но на этом уровне его сложнее воспринять. Это обусловлено тем, что культурные знаковые системы склонны компенсировать утраченные или приобретенные части и снова превращаться в нечто целостное; то же самое происходит и в природе. Этот процесс восстановления после изменений в природе является рутинным; мы называем его эволюцией. Знаковые системы всех типов приспосабливаются к изменениям, происходящим как вследствие потерь, так и вследствие приобретения, и этот процесс носит постепенный характер. Давайте вспомним пример из главы 1. Европе потребовалось несколько столетий на то, чтобы ноль получил повсеместное признание, а счеты устарели и вышли из использования.

Только знаковая система как единое целое – все символы, которые являются ее составными частями – может порождать опыт, который она представляет. Если говорить об ощущении и восприятии Америки, то ни один из национальных символов, ни даже несколько национальных символов вместе не могут заменить систему в целом или функционировать так, как она. Яблочный пирог и Ниагарский водопад – это важные нити в символической ткани американской жизни, но это лишь фрагменты Америки. Поэтому мы зависим от всех национальных символов, которые способны обеспечить устойчивый фокус на неопишемом и эфемерном американском национальном характере. В совокупности национальные символы образуют рабочую модель американского духа или характера. Эта рабочая модель задает всеобъемлющий контекст американской жизни, создавая структуру и цели, смысл и ценности, которые складываются в символический концепт американской мечты.

Каждый компонент нашего символического ландшафта настолько глубоко пропитан смыслом, что очень трудно отделить объект и его значение. Этот смысл, нередко глубокий и страстный, проникает в наше сознание при простом упоминании или попадании в наше поле зрения объекта или идеи. Другими словами, вещь сама по себе и тот смысл, который мы придаем ей, становятся синонимами. Статуя свободы, например, если соскрести с нее культурную патину, это всего лишь большая, старомодная скульптура женщины, стоящей на постаменте на острове в Нью-Йоркской гавани. Это всего лишь металлическая отливка воображения художника. Даже отдельные слова – статуя, свобода, – когда мы рассматриваем их отдельно, не вызывают у нас даже отголосков того глубокого смысла, который мы ощущаем, когда слышим о статуе Свободы или видим ее. Это выглядит так, как будто смысл полностью окутывает физическую статую, буквально изменяя ее внешний вид. Можно даже сказать, что статуя Свободы это физический объект сам по себе лишенный смысла, который просто является триггером, включающим определенный ментальный или эмоциональный опыт. Таким образом, статуя в гавани имеет второстепенное значение по сравнению с богатством смысла, который мы связываем с ней.

Эффект окутывания повседневных объектов особым значением можно с легкостью увидеть в символизме, смысл которого неизвестен нам. Если вы когда-нибудь бывали на встрече какого-нибудь тайного общества или оказывались в первый раз на незнакомом спортивном мероприятии, вам сразу же становилось ясно, что происходит масса всяких вещей, назначение которых вам не понятно. Незаметные жесты, особые позы тела, ключевые слова, определенные цвета и дизайн, зловещие паузы, произнесение странных имен и широкий спектр явно важных деталей – все эти символы, глубоко значимые для информированных участников, но полностью ускользающие от понимания непосвященных. Цвета, жесты и прочие элементы воспринимаются буквально, так, как они выглядят физически, и могут оставаться незамеченными и не истолкованными, быть некой головокружительной последовательностью недифференцированных паттернов, на которые смотрят без понимания и принятия.

Представьте себе неподготовленного иностранца, который впервые прибывает в Нью-Йоркскую гавань по морю и видит скульптуру XIX века в длинных одеяниях... Какие у него

возникнут ассоциации при взгляде на статую Свободы? Он будет смотреть на нее глазами, привыкшими к совершенному иному символическому ландшафту. Возможно, он подумает, что Америка почтила этой статуей одну из своих королев или могущественную морскую богиню.

Символы представляют собой чрезвычайно могущественные элементы жизни. Если каким-то образом прикоснуться или подключиться к ним, то они могут стать источником невероятной страсти и твердости, рождать глубокую убежденность и толкать на необузданные поступки.

«В потоке человеческого опыта в каждый конкретный момент можно идентифицировать происшествия или поступки, являющие собой проявления почти непреодолимой силы. Вот один из примеров. В конце 1963 года в Кашмире из мечети Магомета была украдена реликвия Пророка – его волос. Это происшествие вызвало мятеж. В нем приняло участие более 100 тысяч мусульман. Совершались поджоги, раздавались выстрелы, и в этом хаосе погибло множество людей. Каналом для проведения какой огромной силы стал один-единственный тонкий волос!»³⁷

Символы – это глубокие колодцы смысла. Они руководят, просвещают и формируют наши убеждения и поступки, зачастую предлагая традиционные, готовые способы. Символы сами по себе являются некой договоренностью о способе мышления, соглашением, существующем в обществе относительно того, что означают те или иные концепты. Когда возникают вопросы относительно какого-то конкретного символа, ответы на них обычно вполне предсказуемы, как если бы они были отливками из одной и той же формы. Таков, например, символ свободы. Нужно затратить колоссальные умственные и эмоциональные усилия, чтобы сделать глубокие и прозорливые личные выводы относительно свободы. Гораздо спокойнее (и зачастую практичнее) просто опереться на общепринятые толкования и воспользоваться ими как своими собственными: «Это моя жизнь, я делаю то, что мне нравится», «У меня есть права», «Вы не можете приказывать мне», «Это свободная страна», «Я могу говорить все, что хочу», «Дайте мне свободу, или дайте мне смерть»³⁸.

Символ свободы делает концепцию свободы известной величиной, расшифровывает нам ее пункт за пунктом. Всеобъемлющее определение этого символа оказывает нам исключительную помощь и помогает разобраться во всех хитросплетениях ситуации, позволяя продумать следующий шаг и принять решение.

Совершать поступки, руководствуясь свободой, зачастую рассматривается как стандартная американская ценность и проявление патриотизма. Кое-кто говорит, что поступать иным способом не по-американски. Но это не совсем так. С объективной точки зрения сопротивление свободе всего лишь другая сторона медали. У каждого символа есть своя обратная сторона, уникальная для него. Когда американцы отстаивают свободу, это выражает их национальный характер. Когда американцы злоупотребляют свободой (возьмем, к примеру, подавление определенных групп населения и эксцессы, связанные с полицией), это тоже выражает национальный характер, потому что и негативные и позитивные проявления восходят к одному и тому же источнику. Это еще одна форма метафизического принципа, который утверждает, что «добро не может существовать без зла». Мы говорим здесь о темной стороне американской жизни. Истина заключается в том, что попытки откеститься от этой темной стороны, в то же самое время идеализируя светлую сторону, это признание лишь половины работы символа. Оба аспекта не только необходимы для надлежащего функционирования символа, но и являются (в буквальном смысле этого слова) природным фактом. Существует учение о великом китайском

³⁷ Everett M. Stove. *Communicating Reality through Symbols* (Philadelphia: The Westminster Press, 1966), p. 24.

³⁸ Большинство этих утверждений о свободе повторяли так долго, что их авторы неизвестны, за исключением последнего высказывания, которое прозвучало из уст Патрика Генри во время его выступления на Первом Континентальном конгрессе в 1774 году.

символе инь-ян, который выражает не только единство добра и зла, но и присутствие в каждом из них семени противоположной силы (рис. 8). Поэтому что касается американского символа свободы, то даже героический поступок по защите свободы (или низкое злоупотребление ею) каким-то образом содержит в себе семена прямо противоположного поведения. Для того чтобы символ был активным, нужно и то и другое. Акт отстаивания свободы не является сам по себе «свободой». Подавление свободы не является само по себе «отсутствием свободы». И то и другое – всего лишь ситуационное напряженное состояние. Только тогда, когда эти противоположные полюса создают напряжение, мы получаем тот опыт, который называем свободой.

Рис. 8. Символ инь-ян

Это очень важный момент в работе с символами. Если символ раскалывается на два противоположных полюса, если добро и зло начинают сражаться друг против друга, то сам символ погружается в бесконечный хаос, и обе его части пожираются друг другом; при этом не остается никакой надежды на разрешение конфликта – все это напоминает бесконечную погоню собаки за своим хвостом. Это путь слабости. Такой разделенный символ никогда не станет точкой силы. Именно поэтому «на Востоке добродетельным считается не тот человек, который берется на невозможную задачу стремиться к добру и уничтожить зло, а тот, кто в состоянии поддерживать динамическое равновесие между хорошим и плохим»³⁹.

Битва за добро против зла – это духовно неправильное восприятие. Это – майя, как говорят буддисты, иллюзия, или то, что не является реальным. Это невежество, которому не хватает четкого, функционального понимания устройства жизни. Следствием такой борьбы становится дисгармония. Нужно постичь эту хитроумную концепцию, поскольку когда «нашему добру» угрожает «наше зло», нашей инстинктивной реакцией является желание устранить «плохое», чтобы мы могли вернуться к хорошему, чтобы все шло так, как надо (в нашем понимании).

Эта установка настолько глубоко пустила корни в западное мышление, что необходимо повторить еще раз: добро и зло формируют неразделимую пару. Просто представьте себе любой бейсбольный или футбольный матч, в котором участвовала бы только одна команда. В этом случае игра бы не состоялась. Игра требует двух противоборствующих команд. Изучение любой духовной системы символов, например числового символизма, со временем вырабатывает у человека правильное духовное восприятие. Оно сродни ментальным «линзам для корректировки зрения», благодаря которым можно увидеть и ощутить Реальность. Такое восприятие – это прекрасно отточенный навык, позволяющий его обладателю «использовать образы так, как математик пользуется алгебраическими символами»⁴⁰. Отработка этого навыка начинается с изучения системы взаимосвязанных принципов реальности на чисто абстрактном

³⁹ Fritjof Capra. The Tao of Physics (Boston, Mass.: Shambhala Publications, 1991), p. 146.

⁴⁰ Dion Fortune. The Mystical Qabalah (York Beach, Maine: Samuel Weiser, Inc., 1989), 165.

уровне, на котором не задействовано эго – низшее «Я», раздираемое желаниями и страхами. Когда ум полностью постигнет знаковую систему и начнет бегло ориентироваться во всех ее концептах и взаимосвязях, то постепенно эти знания начнут проникать и на другие уровни жизни человека, те уровни, которые называются «реальными». Это очень глубокий и осмысленный процесс трансформации. «Приобрести мистическое знание – это претерпеть трансформацию; можно даже сказать, что эти знания и есть трансформация»⁴¹.

По мере того как мы день за днем живем своей жизнью, символы Америки служат нам вехами на равнине национального ландшафта, с помощью которых мы прокладываем свой путь через превратности жизни. Все эти символы в совокупности создают общую ментальную схему. В любой ситуации в игру вступают соответствующие вехи/символы. Они представляют собой устоявшиеся, проверенные временем ценности и стандарты. Наши мысли порхают между ними, совершая практически мгновенный анализ и сортируя процессы по мере того, как мы пытаемся сообразить, как думать и действовать. Эти символы – данность, но объективная данность, потому что они содержат общее для всего общества понимание, а не аксиомы, и не ограничиваются отдельно взятым человеком. Способ, посредством которого мы интерпретируем ситуации, а затем начинаем действовать, это наш собственный субъективный подход. Таким образом, каждый из нас делает свое собственное, уникальное, индивидуальное заявление об американском духе. Два разных человека не могут и не должны одинаково интерпретировать или применять символы. Всегда будут какие-то различия. Такова человеческая природа.

А теперь давайте поговорим о трех американских символах: службе в армии; «моя страна может быть права или ошибаться, но это моя страна» и о яростном индивидуализме. Армия, задачей которой является защита нации, является очень важным символом Америки. Она представляет собой, помимо всего прочего, силу и готовность отстаивать то, чем является американец и во что он верит. Она опирается на безоговорочное согласие тех, кого призывают служить в нее. Символ «моя страна может быть права или ошибаться, но это моя страна» также требует полного согласия с тем, что могут попросить от человека. Символ «яростного индивидуализма» дает право каждому американцу думать и действовать на основании своих собственных убеждений, без оглядки на мнение или поступки окружающих. Итак, каждый американец знает, что на первое место нужно ставить страну, а также прямо противоположный императив – что он может делать то, что считает нужным. Когда дело доходит до призыва на военную службу, что может произойти во время общенационального кризиса, в игру вступает множество дополнительных переменных, помимо послушания и несогласия. Спектр возможных интерпретаций очень широк. Один подход, совершенно американский, заключается в том, чтобы решить, что никакое правительство не должно обладать властью над индивидом и что яростный индивидуалист не должен соглашаться на армейскую службу, независимо от всех попыток властей принудить его к этому. Индивидуалист может ощущать, что те, кто послушен требованиям властей, не в состоянии думать самостоятельно или, что еще хуже, не в состоянии принимать собственные решения. Большинство людей, согласных с необходимостью службы в армии, будут открыто выступать против позиции нонконформистов, но во многих случаях уважительно отнесутся к тем, кто демонстрирует такую верность своим принципам. Приверженцы установки «моя страна может быть права или ошибаться, но это моя страна», скорее всего, будут возмущаться теми, кто презрительно относится к законам, и даже считать их предателями. Оба этих символа – и тот, который вам нравится, и тот, который вам не нравится, необходимы, поскольку обеспечивают существование друг друга.

В жизни не бывает таких ситуаций, которые сводились бы к двум простым элементам. При подключении все новых символов к рассмотрению вопроса о том, идти в армию или нет,

⁴¹ Fritjof Capra. The Tao of Physics. P. 307.

процесс, ведущий к поступку, будет непрерывно усложняться. У нас сразу же появляется пища для размышлений, когда мы, например, добавляем символ федерального закона, который превращает армейскую службу в законодательную обязанность; символ человека, отказывающегося от прохождения военной службы по религиозным или морально этическим соображениям; который освобождает от этой обязанности; и, наконец, страх и давление, вызванные символом длинной руки правосудия. Можно исписать множество страниц, обсуждая все тонкости взаимодействия этих символов, а также их противоборство друг с другом в ситуациях реальной жизни.

В работе с символами такое «взаимодействие и противоборство» – взвешивание и сравнение всех факторов, необходимое для того, чтобы сделать вывод и наметить курс действий, – называется интерпретацией. В любой работе с символами интерпретация является основным навыком, потому что именно ее качество определяет то, насколько уверенно мы будем плыть по бурному морю жизни. На первых порах это абстрактный процесс, включающий в себя сравнение ментальных конструкторов, или концептов. Он работает совершенно одинаково в любой знаковой системе, потому что все символы – это слепки мыслей. В случае таких знаковых систем, как американский фольклор, процесс сортировки, по большей части происходит бессознательно, вспышками. В конце концов, эти символы стали частью нашей жизни с самого раннего детства. Мы знаем их во всех подробностях. Использование этих символов стало нашей второй натурой и происходит так же автоматически, как пробуждение по утрам.

Однако все обстоит совершенно иначе с теми знаковыми системами, с которыми мы сталкиваемся будучи взрослыми. Чтобы извлечь из них пользу, мы должны тщательно изучать их. Беглость в обращении с этими системами имеет глубоко личный характер и требует интенсивных размышлений и практики, чтобы научиться распознавать многочисленные сложные взаимодействия и связи. Именно надлежащая взаимосвязь родственных идей позволяет прийти к правильным заключениям. Интерпретация любой духовной знаковой системы – это технический метод оценки, требующий глубокого понимания и мудрости. Она подразумевает союз между индивидуальностью человека и объективными символами, которыми пользуется каждый человек для того, чтобы нормально функционировать. Эффективность знаковой системы, любой знаковой системы, достигается благодаря тому, что группа символов как единое целое (при надлежащем использовании) позволяет человеку создавать определенный опыт. Существует широко распространенное убеждение, что символ сам по себе – талисман, кубок, священная церемония, числовой символ, астрологический знак и так далее – является источником силы. Но это не так: сила заключена в значении, которое мы придаем этому символу. «... Посвященный знает, что материальный объект не задействован в притягивании силы; он способен направить ум на определенный путь сознания»⁴². В знаковой системе все части соединены определенным образом, каждая выполняет стоящую перед ней задачу как деталь вошедшего в поговорку хорошо смазанного станка. Если убрать одну-единственную деталь, то мотор даст сбой или вообще остановится. Каждый символ знаковой системы выполняет определенные функции, имеющие отношение ко всем остальным символам этой системы. Если это так, то как могут быть связаны друг с другом символы «неистового индивидуалиста» и «права моя страна или нет, но это моя страна»? Они кажутся двумя полярными и взаимоисключающими установками. Но разве не приходится каждому американцу, приходящему на военную службу, переживать этот же конфликт в более мягкой форме? Эти раздирающие метания демонстрируют связь между этими двумя силами, существующую де факто. Разрешение этого конфликта отчасти определяет опыт индивида в области военного, американского стиля.

⁴² *Dion Fortune. Sane Occultism* (London: Inner Light Publishing Company, 1938), p. 73.

Эта же проблема встает и на уровне общества в целом. Если бы полное подчинение военным властям не уравнивалось бы такой же крайней формой индивидуальной автономии, Америка была бы совершенно другим местом. Мы были бы пассивным народом конформистов. С другой стороны, у нас вообще не было бы нации, если бы не было символа кооперации, уравнивающего анархию абсолютной свободы. Несмотря на очевидные различия, эти два символа тесно связаны в своем функционировании. Аналогичный анализ любых других двух или нескольких символов американской национальной знаковой системы также продемонстрировал бы их взаимосвязанную внутреннюю работу.

В науке такое единство функций называется самосогласованностью (непротиворечивостью), которую Фритьоф Капра определяет как «суть всех законов природы»⁴³. Ни одна знаковая система не смогла бы сохранить свою целостность без однородности. Несогласованность символов имеет место тогда, когда между ними не существует взаимосвязи и никакие ассоциации не связывают их воедино. Это сразу же бросается в глаза в технических знаковых системах; в культурных знаковых системах это не так очевидно. Химический символ Н, обозначающий водород, по определению нельзя использовать в математике в качестве числа. Не существует базы, на основании которой предпринимались бы такие попытки. Наглядный пример культурного символа, который не может стать частью американской национальной знаковой системы (культурной знаковой системы) – это священная корова в Индии, один из национальных и духовных символов. Коровы в Индии – обычный крупный рогатый скот – пользуются огромным уважением; им никогда не чинят препятствий и не причиняют вреда, когда они спокойно разгуливают по городам и деревням, даже если они создают пробки на дорогах или вытаптывают сады. Этот идеал никогда не сможет стать частью американской национальной культурной знаковой системы. У коров в Соединенных Штатах совершенно иной статус. Их выращивают ради мяса. Не существует элементов, которые объединяли бы эти два символа, поэтому просто нет возможности включить индийскую священную корову в американскую культурную знаковую систему. Эту мысль еще нагляднее иллюстрирует американская идиома, имеющая ярко выраженный насмешливый характер – когда некое верование или действия являются «священной коровой». Еще один хороший пример противоречивости символов – обычай древних индейцев майя сохранять своих мертвых вождей и заботиться о них так, как если бы они были живыми. Раз в год мертвых проносят по их владениям – это способ почтить их. В нашем обществе эта практика считается гротескной и неприемлемой для современной цивилизации. Опять-таки, не удастся найти точки пересечения между символом майя и американской национальной знаковой системой.

Эти два примера несовместимости символов очень убедительны. Умы американцев мгновенно и инстинктивно распознают их чужеродную природу. Такая же основа, только гораздо более тонкая, у того факта, что никакие зарубежные национальные символы нельзя включить в систему той или иной страны, если не исказить их в той или иной степени, даже если, на первый взгляд, они кажутся сходными или совместимыми. Когда мы полностью изучаем предлагаемый новый символ, становится ясно, что той совместимости, которая казалась неоспоримой, на самом деле нет. Давайте рассмотрим национальный символ, существующий практически у всех государств: регулярную армию. На первый взгляд, регулярная армия может считаться универсальным символом, цель и главные элементы которого одинаковы во всем мире. Да, между армиями разных стран действительно существуют параллели, но только на абстрактном уровне. В повседневной жизни, как мы увидим, истина о том, что армия – «она и в Африке армия», не срабатывает. Такая чрезмерно широкая генерализация оказывается практически бессмысленной, когда мы начинаем исследовать и сравнивать армии любых двух стран. Очень быстро становится ясно, что невозможно заменить одну армию (другими словами, один сим-

⁴³ *Fritjof Capra. The Tao of Physics. P. 45.*

вол) на другую. Чтобы проиллюстрировать этот пример, давайте рассмотрим армии США и России. Как только вы начнете вдаваться в подробности, вам станет ясно, что мы, в силу многих причин, никогда не сможем заменить американскую армию российской. Эти причины выходят далеко за рамки очевидных политических соображений. Что касается российской военной культуры, миссии армии, военного законодательства и даже «Я»-образа армии, то они не имеют ничего общего с американскими. Они имеют совершенно другой «вкус». Примеры верности, герои, решающие победы и поражения, те и то, кого и что защищает армия, физическое благополучие и надежды солдат, тип среднего призывника, приходящего в армию, армейская субкультура, музыка и язык – все эти и мириады других организационных, культурных и общественных факторов определяют поразительное отличие российской армии от американской.

Вышеприведенный пример иллюстрирует, что символы из различных знаковых систем не являются взаимозаменяемыми, даже если на первый взгляд они кажутся сравнимыми или почти идентичными. Символ, искусственно введенный в любую другую знаковую систему, обладает силой и воздействием, но это ведет лишь к путанице, беспорядку и разрушению. Он остается инородным телом, который никогда не обретет себе дома в новой системе, если только, спустя какое-то длительное время, он не претерпит серьезной модификации. Если бы Америка и Россия поменялись своими армиями, это стало бы настоящей катастрофой на многих уровнях. При условии, что прошло бы достаточно много времени, может быть, лет пятьсот, произошел бы процесс адаптации, благодаря которому в российской армии произошли бы перестройки в соответствии с американским духом, и в конечном итоге американская знаковая система поглотила бы ее. В течение этого же периода американский дух претерпевал бы изменения вследствие взаимодействия с иностранным. Со временем «русский» характер армии был бы полностью утрачен, но и американский дух претерпел бы определенную эволюцию. Я вовсе не хочу сказать, что между символами разных систем вообще не существует связи. В конце концов, на каком-то базовом уровне армия – это армия. Рискую впасть в обсуждение идей, которые потребуют более глубокого понимания обсуждаемых вопросов, выходящего за рамки предлагаемой вашему вниманию книги, я хочу сказать следующее: можно установить корреляцию значений и смысла символов из различных систем, однако только в том случае, если описывать их в чисто абстрактных понятиях. Истина содержится в любой валидной знаковой системе. Следовательно, всегда существует неуловимая совместимость между похожими символами различных систем. Можно отыскать ускользающие связующие звенья, если мы будем уважать то, что является истинным и, следовательно, сопоставимым в похожих символах, к какой бы системе они ни принадлежали. Это не тот процесс сравнительного исследования символов, во время которого составляют длинные списки общих характеристик. Такая деятельность ведет к накоплению знаний, но не дарит озарений и понимания, потому что фундаментальные связи и родственный смысл нельзя вывести из внешних качеств. Движущую силу, или принцип, каждого символа необходимо постигать, прибегая к услугам воображения, чтобы придать форму интуитивному восприятию. Проникая таким образом вглубь природы и причин вещей и событий, можно дойти до того уровня, на котором все превращается в Единство.

В духовных и метафизических кругах зародилась скверная тенденция: приравнять друг к другу и зачастую включать друг в друга символы из различных систем. Это крайне невежественно. Во многих книгах символы из различных систем сопряжены друг с другом, как будто бы между ними существует строгая взаимосвязь. Определенный камень соотносят с определенным цветом, определенным арканом Таро, знаком зодиака, богом, ритуалом той или иной группы, числом и так далее до бесконечности. Многие люди говорили мне (и я неоднократно читал об этом), что существуют точные соответствия между числами пифагорейской нумерологии – от 1 до 9 – и двенадцатью знаками зодиака. Это крайне неряшливое мышление. Основным показателем того, что оно неверно, является разное число базовых элементов – 9 и 12. Если бы между этими двумя системами существовало бы точное соответствие, то цифры

было бы логично соотносить с первыми девятью знаками. А на последние три знака зодиака цифр просто не хватает. С точки зрения символов разрушительно перерабатывать нумерологию, чтобы она соответствовала астрологическим знакам зодиака (рис. 9).

Овен	Телец	Близнецы	Рак	Лев	Дева
1	2	3	4	5	6
Весы	Скорпион	Стрелец	Козерог	Водолей	Рыбы
7	8	9			

Рис. 9. Соответствие чисел пифагорейской нумерологии и астрологических знаков

Далее нужно сравнить атрибуты этих знаков и чисел, чтобы посмотреть, что между ними есть общего. Приведены те атрибуты астрологических знаков, которые являются общепринятыми среди большинства астрологов.

Таблица 1

Атрибуты астрологических знаков и чисел, сравнение

<i>Овен</i> : эго, уверенность в себе, лидерство, действие, искатель приключений, исследователь, мотивированный, импульсивный, пионер, инновации, быстрый	1: индивидуальность, «Я», вера в себя, внутренняя сила, сильные личные потребности и желания, центрирован на самого себя, независимость, лидерство, мужество идти своим путем, навыки
<i>Телец</i> : надежный, консервативный, стабильный, привязан к прошлому, упорный, пассивный, практичный, продуктивный, творческий, чувственный, разбирается в искусстве и тянется к красоте, верящий, преданный	2: отношения, сотрудничество, дипломатичный, дружелюбный, мягкий, хороший слушатель, помощник, способность к компромиссам, терпеливый, понимающий, пассивный, нерешительный, чувствительный, ранимый, ориентированный на детали, ведомый
<i>Близнецы</i> : быстро соображающий, быстро обучающийся, коммуникатор, торговый агент, любитель свободы, противоречивый, болтун, разделение мыслей и чувств, ментальная нервозность, беспокойство, перепады настроения, множество проектов одновременно, многосторонний	3: умеющий ладить с людьми, очаровательный, живущий сегодняшним днем, разбрасывающийся, болтун, не склонный к самодисциплине, немотивированный к выполнению долга и тяжелой работы, избегающий конфронтации, нуждающийся в одобрении окружающих, прекрасный интеллект, прекрасный дар вести беседу
<i>Рак</i> : глубокие, сильные эмоции, чувствительность, сокрытие эмоций, мягкость, забота, сострадание, любовь к дому, стабильный партнер, яростный защитник семьи, самоутверждение	4: практичность, организованность, систематичность, добросовестность, внимание к мелочам, серьезность, ответственность, честность, целеустремленность, упорная работа, умелые руки, сильные симпатии и антипатии, упорство, отсутствие гибкости, сокрытие эмоций, буквальность, приземленность, реалистичность, сила, настойчивость
<i>Лев</i> : самолюбивый, гордый, хвастливый, самовольный, тщеславный, эгоистичный, экстравагантный, щедрый, добросердечный, яркий, претендующий на роль лидера, нуждающийся в зрителях, творческий, нуждающийся для своего процветания в пространстве и свободе	5: свобода, многосторонность, находчивость, быстрый ум, готовность рисковать, возможности, любовь к переменам, способность выживать, отвага, авантюризм, творчество, неугомонность, потребность в разнообразии, нетерпеливость, веселье, энтузиазм, негибкость, безответственность, проблемы со взятыми на себя обязательствами

<i>Дева</i> : мученичество, служение, самопожертвование, аналитический ум, суетливость, перфекционизм, упорядоченность, одержимость чистотой, действенность, практичность, продуктивность, реагирует на лесть, легко становится объектом эксплуатации, здравость, сопротивление переменам, недостаток уверенности в себе	<i>6</i> : ответственность, обязательства, вовлеченность в жизнь окружающих, «столпы общества», «всеобщие матери», щедрость, помощь окружающим, способность возвращать равновесие окружающим и исцелять их, манипулятивность, артистизм, эмоциональность, способность ставить интересы окружающих выше своих собственных
<i>Весы</i> : потребность в гармонии и красоте, дипломатические способности, стремление разрешать конфликты, игнорирование собственных потребностей, способность ставить интересы окружающих выше своих собственных, ментальный баланс, осознание множества возможностей, нерешительность, слепое следование взятым обязательствам, очарование, артистические качества, потребность в справедливости и балансе	<i>7</i> : обращенность внутрь, интроспекция, медитации, размышления и анализ, хороший ум, образованность, интеллектуальность, неуклюжесть в отношениях с людьми, сокрытие истинных мыслей и чувств, отчужденность, сдержанность, глубина, умение видеть суть вещей, хорошая интуиция, прозорливость
<i>Скорпион</i> : глубина, интерес к темным и тайным вещам, сплетни, навязчивые мысли, сильные эмоции, ригидность, врожденное чутье добра и зла, интерес к оккультизму, экстрасенсорные способности, верность обязательствам, преданность своему делу, негибкость, анархизм, мстительность	<i>8</i> : сила, полномочия, достижения, конкуренция, амбиции, материализм, уважение иерархии, серьезность, трезвость, реализм, целеустремленность, упорная работа, энергия, способность оценивать людей, сила, склонность командовать, авторитарность, дикторские замашки, упрямство, способность справляться с проблемами и задачами
<i>Стрелец</i> : чувственность, важность вечеринок и веселья, движимы и инстинктами и рассудком, ценят и дух и тело; глубокая потребность в поисках истины, эксперименты с наркотиками, религией, философией и искусством, идеализм, примирение полярных противоположностей, энтузиазм, оптимизм, быстрая смена интересов, нестабильность, страсть к путешествиям, незавершенные планы	<i>9</i> : безусловная любовь, бескорыстие, гуманизм, философский ум, понимание человеческой жизни, интерес к духовным и идеалистическим вопросам, самоотверженное выполнение обязательств, непрактичность в реальном мире, страстность, драматизм, глубокие изменения и потери, безразличие в интимных отношениях

За исключением сильного сходства между Овном и числом 1, между остальными восемью знаками, начиная от Тельца и заканчивая Стрельцом, и восемью цифрами связи не наблюдается. Подобная путаница вот уже долгое время отравляет символизм чисел сам по себе, что ведет к общей деградации его смысла. Ошибка часто таится в вере в то, что данное конкретное число везде и во все эпохи имеет сходное значение, независимо от культуры или происхождения числовой символической системы. Значения чисел из шумерской культуры, Греции, пифагорейской системы, культуры майя, каббалы, Китая, так называемые числа пирамид и множество других источников зачастую неразборчиво смешивают, что ведет к катастрофическим результатам.

В качестве хорошего примера изменения значения может послужить число 5 в современной пифагорейской нумерологии и в философии чисел Пифагора в Греции в VI веке до нашей эры. Это две совершенно разные 55. Сегодня 5 ассоциируется со свободой и возможностями. В Древней Греции 5 была символом брака. Это наглядное свидетельство того, что числовые символы нельзя отделять от исходной системы и переносить в другую. Подмена символов противоречит их законам.

Дальнейшее исследование числа 5, как в древности, так и сейчас, помогает уяснить эти различия. Основными характеристиками современной 5 являются свобода и возможности. Поскольку пифагорейская нумерология наших дней делает основной акцент на психологических интерпретациях, мы можем задать такой вопрос: «Какие базовые человеческие устремления вызывают сильнейшую потребность в свободе и возможностях, которые начинают доминировать в человеческой жизни?» Это внутренний императив доказать свою индивидуальность. Именно поэтому, ради исполнения этой внутренней директивы, человек должен иметь максимум свободы и для восприятия возможностей, открывающихся перед ним. Это руководящий принцип современной 5. Древнегреческая 5 была философским принципом, который не так-то легко ложился на индивидуальную психологию. Этот принцип – союз, брак. Этот принцип включает в себя брачный союз мужчины и женщины, но это всего лишь один из его аспектов. Более широкое понятие – это союз полярных противоположностей. У древних греков было два числа, символизировавших самые фундаментальные противоположности – 2 и 3. Двойка была женской, темной, негативной и безграничной. Тройка была мужской, светлой, позитивной и ограниченной. Греки считали 2 и 3 примером всех противоположностей в жизни. Поэтому цифра 5 была универсальным принципом, посредством которого можно было объединить и примирить любые противоположности, $2 + 3 = 5$.

Установив для себя суть современной и древней концепций 5, мы можем перейти к их взаимосвязи. Мы вовсе не ставим перед собой цель найти способ, посредством которого можно было бы совершать замену. Рассматривая 5 с чисто абстрактной точки зрения, мы посмотрим, что смысл древней 5 может добавить к нынешнему концепту 5. На пяти пальцах считали на протяжении всей истории, поэтому вполне логично предположить, что древнейшие интерпретации берут истоки в том же колодце мудрости, из которого мы черпаем по сей день. Поэтому вполне вероятно, что древнее понимание будет иметь непосредственное отношение к современной интерпретации.

Как уже говорилось ранее, современная 5 нуждается в утверждении своей индивидуальности. Она шагает по жизни, уверенно и рискованно, что присуще лишь тем, кто ощущает безопасность внутри себя. Такая базовая уверенность в себе имеет место (на что нам проливают свет древние греки) лишь тогда, когда разрешен внутренний конфликт. Любая форма внутреннего конфликта подразумевает две полярные противоположности: «2 и 3». Пять – это то состояние ума, когда все дилеммы между 2 и 3 разрешены, что позволяет человеку ощутить свою внутреннюю природу как единое целое. Таким образом, древняя 5 обогащает значение современной 5.

Со временем символы меняются. Все символы эволюционируют... любые символы: научные, художественные, языковые, культурные, даже религиозные и духовные. Чтобы убедиться в этом, достаточно оглянуться назад. Ни один из аспектов современной человеческой культуры или верований не повторяет собой прошлое. Именно поэтому говорят, что знаковая система должна адаптироваться к изменяющимся условиям различных эпох. Истина заключается в том, что определенные знаковые системы, которыми мы располагаем в настоящее время, пришли к нам в установленной форме. Эти символические формы тоже должны эволюционировать, в противном случае они перестанут быть эффективными. «Ваша мифология, ваше воображение, должны модифицироваться в соответствии с вашими знаниями о вселенной, потому что они должны соответствовать той вселенной, которую знаете вы, а не той, которую знали 2000 лет до нашей эры на Ближнем Востоке»⁴⁴.

Восприятие американских национальных символов «армейской службы», «неистового индивидуализма» и «права моя страна или ошибается, но это моя страна» сильно изменилось за последние пятьдесят лет. Дальнейшее исследование каждого из этих символов показывает,

⁴⁴ Joseph Campbell. Transformations of Myth through Time (New York: Harper and Row Publishers, 1990), p. 22.

что они уже далеко не такие, какими были в беспокойную эпоху вьетнамской войны в 1960-х и 1970-х годах. До и во время этой войны прохождение военной службы в США было обязательным, она базировалась на воинском призыве, который проводила Комиссия по воинской повинности. После этого служба в армии стала делом добровольным. Поэтому, несмотря на то что «армейская служба» продолжает оставаться чрезвычайно важным национальным символом, сейчас этот символ рождает иные коннотации: мужчины более не обязаны идти в армию. Символ «права моя страна или ошибается, но это моя страна» был типичным ответом на военные действия для тех, кто был сторонником правительственной политики. После жестокой травмы вьетнамской войны и множества разоблачений истинных причин нашего участия в ней установка беспрекословного послушания своей стране пошатнулась из-за осознания того, что Америка вела войну из-за ограниченных экономических и политических причин, а не ради заявленной и идеалистической цели – освобождения еще одной страны от коммунизма. Сегодня многие американцы являются яркими патриотами, но с некоторыми ограничениями. Правительственная политика более не принимается как истина в последней инстанции. Третий национальный символ, о котором мы говорили ранее, «яростный индивидуализм», имеет в Соединенных Штатах долгую историю. Он остается заветным американским идеалом. Однако ввиду того, что в нашем современном перенаселенном мире растет потребность в сотрудничестве и согласии с властями, это постепенно и незаметно разъедает фундамент этого символа. Он все еще дорог очень многим людям, но скорее в качестве романтического представления о том, какой Америка должна быть, чем в качестве способа поведения в нашей лихорадочной жизни, предъявляющей жесткие требования к человеку. Нынешнее поколение считает версию этих символов 1960-х годов старомодной. Эти изменения произошли менее чем за пятьдесят лет. Если мы заглянем в еще более отдаленное прошлое – в средневековые или хотя бы в прошлое столетие, – то нам будет еще сложнее опереться на более ранние версии интерпретации этих символов, даже если мы считаем их вечными ценностями.

Сегодня мы познаем и понимаем вселенную с помощью научных исследований и экспериментов. Вопрос о том, что именно точные науки находятся в фокусе современных знаний, не подлежит обсуждению. Научные теории и открытия, касающиеся физической реальности, просто головокружительны. Достижения науки настолько впечатляющи, что очевидно, что если даже наука и не открыла истину, она сделает это при наличии некоторого времени и финансирования. Эта сильная вера в науку опирается на беспрецедентный прогресс в течение последних четырех столетий, вследствие которого в настоящее время научные концепции реальности принимаются и не оспариваются практически во всем мире.

Однако история учит нас, что все это неизбежно изменится. Точно так же, как осенью листья деревьев изменят свою окраску, тот же самый процесс, который привел нас к нашим нынешним достижениям, приведет к дальнейшей эволюции. Через десять лет в науке, несомненно, произойдет несколько крупных открытий, которые модифицируют или перечеркнут кое-какие современные заветные верования и концепции. А через тысячу лет, и это можно заявлять почти наверняка, вся наша научная космогония превратится в исторический курьез, одно из напоминаний о примитивных стадиях развития человечества.

Учитывая преходящую природу научной мысли, мы можем лишь удивляться тому, что столько людей во всем мире так глубоко верят в науку и научный метод. В огромной степени это обусловлено тем, что наука дает результаты: компьютеры, космические станции, лазеры, электронные микроскопы и многое другое. Но страстная вера в науку выходит далеко за рамки ее способности изобретать вещи; она доходит до благоговейного мистического страха. Люди верят, что наука должна открыть все тайны жизни! За этой верой стоит удивительный энтузиазм из-за того, что мы все принимаем в этом участие. При этом никто из нас не знает, куда это движение заведет нас и чем обернется в итоге для всего человечества. А теперь давайте задумаемся вот о чем: зачастую делаются радостные предсказания о том, какую форму при-

мут научные знания и достижения в будущем. Эти прогнозы делаются на основе того, какие направления исследований кажутся главными. Работая над книгой относительно предполагаемого прогресса науки в течение ближайших ста лет, физик Мичио Каку опросил 150 ученых и пришел к такому заключению:

«Факты таковы, что между теми, кто занимается научными исследованиями, существует согласие, хотя бы в первом приближении, относительно будущего развития. Поскольку законы, лежащие в основе квантовой теории, компьютеров и молекулярной биологии, к настоящему времени сформулированы, то ученые в общем способны предсказывать пути научного прогресса в будущем. Это главная причина, почему сделанные здесь прогнозы окажутся, на мой взгляд, точнее, чем любые другие предсказания, сделанные в прошлом»⁴⁵.

Несомненно, так и будет. Однако я убежден, что даже такие тщательно продуманные прогнозы все равно окажутся в какой-то степени ошибочными. Как бы далеко мы ни смотрели, гипотетическое будущее является всего лишь функцией нынешнего момента. Все детали этого воображаемого будущего всегда базируются лишь на тех знаниях и верованиях, которые существуют в настоящем.

То, что действительно присуще науке и что определяет ее экстраординарную роль в наши дни, это движение. Наука – это действие. Это эволюция. Это прогресс. Наука куда-то ведет. Но факты таковы, что каждая великая система убеждений прошлого тоже обладала движением и тоже некогда куда-то вела. В свое время каждая из них на сто процентов выполнила свое предназначение для человечества, точно так же, как сегодня наука привлекает умы многих людей. Существует любопытный паритет между крупными знаковыми системами прошлого и настоящего. Во время своего расцвета все они объясняли устройство вселенной для тех или иных людей. На протяжении всей истории у людей была сильная потребность верить в то, что именно их знаковая система превосходит все остальные. Универсальность этой тенденции демонстрирует человеческую потребность отдавать предпочтение только какой-то одной интерпретации истины. Почти все системы верований, которые только можно себе представить, где-то и когда-то считались самыми лучшими. Похоже, что единственный вывод, который мы можем сделать, звучит так: истина всегда больше способности отдельного человека или людей полностью осмыслить ее.

Многим это покажется еретической мыслью. Для ученых ненаучные методы поисков истины всегда подозрительны. Они полагают, что прошлое замусорено причудливыми мифами и подозрительными религиями, которые мало что сделали для успеха усилий человечества, направленных на прогресс и реальные знания. Сегодня, в свете беспрецедентного прогресса и успехов, ученые полагают, что совершенно беспочвенно и бессмысленно сравнивать достоинства древней культуры и современной науки: в конце концов, наука реальна и доказана, тогда как остальные концептуальные модели – всего лишь неудачные попытки объяснить реальность. Вот что по этому поводу написал признанный теоретик науки и философ Эдвард О. Уилсон:

«Я вовсе не хочу проявить неуважение, когда говорю, что люди донаучной эпохи, независимо от степени своей гениальности, никогда бы не смогли делать предположения о природе физической реальности, выходящие за рамки крошечной сферы, доступной здравому смыслу. Не работало ничто, ни мифы, ни откровения, ни искусство, ни транс, ни любые другие воображаемые средства; даже мистицизм, самый действенный донаучный зонд

⁴⁵ Michio Kaku. *Visions: How Science will Revolutionize the 21 st Century* (New York: Anchor Books, 1997), p. 6-7.

для исследования неведомого, несмотря на эмоциональное удовлетворение, даваемое им, дал нулевой результат»⁴⁶.

Это сильное и бескомпромиссное заявление. Далее Уилсон пишет так:

«Неприятная истина заключается в том, что две системы верований (наука и религия) на самом деле несовместимы. В результате те, кто жадно стремится и к интеллектуальной, и к религиозной истине, никогда не достигнут их в полной мере»⁴⁷.

Заканчивает Э. Уилсон такими словами:

«Кое-кто (антропологи, специализирующиеся на культуре) зашли настолько далеко, что стали приверженцами крайнего постмодернистского взгляда, согласно которому наука – это всего лишь еще один способ мышления, еще одна уважаемая интеллектуальная субкультура среди многих прочих»⁴⁸.

Лично я считаю, что эти антропологи на самом деле правы. Приведенное выше заявление о том, что метафизическая модель не породила ничего, является неточным; оно полностью лишено уважения и признания того значительного вклада, который сделала метафизика. В конце концов, системы метафизического знания ставили целью развитие человеческого и духовного потенциала индивидов и цивилизаций. Наука не считает воспитание характера достижением, поскольку оно не является ни целью, ни ценностью научной философии. По мнению профессора Уилсона, предложение знания физической реальности в качестве эталона валидности является весьма ограниченным стандартом. Такой подход предполагает, что окончательные ответы на вечные тайны следует искать в мире физической реальности. Это бездоказательное предположение и ненаучный подход, потому что подразумевает избирательность в отношении рассматриваемых факторов.

Нужно отметить, что наука пытается делать то, к чему всегда стремилось человечество: понять жизнь с помощью символов. Это – вечные поиски. История развития человечества насчитывает великое множество систем знаний/мудрости. По оценкам профессора Уилсона, «на протяжении всей истории существовало примерно сто тысяч систем»⁴⁹, каждая из которых предлагала свое собственное, уникальное восприятие реальности. Все они обладали одной важной особенностью, о которой пишет выдающийся философ Эрнст Кассирер:

«Это – образы-миры, принципы и происхождение которых следует искать в независимом творении духа. Только с помощью них одних мы видим то, что называем „реальностью“, и только в них мы обладаем ею; поскольку высшая объективная истина, доступная духу, это в конечном итоге форма его собственной деятельности»⁵⁰.

Итак, вот типичная связь между наукой, мифологией и религией: все они работают за счет использования знаковых систем. Ни одна из этих областей не имеет дела с реальностью напрямую. Вот что пишет Кассирер по этому поводу: «Следовательно, у науки нет привилегированного положения по сравнению с искусством или любой другой знаковой системой, кото-

⁴⁶ Edward O. Wilson. *Consilience: The Unity of Knowledge* (New York: Alfred A. Knopf, 1991), p. 46.

⁴⁷ Там же. С. 262. Любопытно, что профессор Уилсон называет здесь науку системой верования, а не объективной формой знания. Приравнивание и науки, и религии к вере очень важно, потому что это подразумевает, что обе эти дисциплины опираются на способность человеческого понимания.

⁴⁸ Там же. С. 186.

⁴⁹ Edward O. Wilson. *Consilience: The Unity of Knowledge*. P. 46.

⁵⁰ Ernst Cassirer. *The Philosophy of Symbolic Forms*, Vol. 1, Language, trans. By Ralph Manheim (New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1953), p. 111.

рые представляют собой интерпретации опыта»⁵¹. Это фундаментальное свойство всех духовных, метафизических, мифологических и религиозных знаковых систем, «которые придают смысл нашему опыту»⁵². «Поиски смысла – это наше врожденное свойство»⁵³, и произвольно изъять его из поисков истины это все равно что уничтожить их суть. Как отмечает Фритьоф Капра, отчасти это было даже научно продемонстрировано: «неврологи установили, что человеческие интеллект, память и решения никогда не бывают чисто рациональными; они всегда окрашены эмоциями»⁵⁴. Это прекрасно согласуется с представлениями знаменитого немецкого философа XVIII века Иммануила Канта, о котором писали так: «Согласно его идеалистическим представлениям, математика и физика не описывают всю реальность; поскольку они не в состоянии охватить всю деятельность человеческого духа в ее творческой спонтанности»⁵⁵.

Если, а я убежден в этом, наука исключает некоторые первичные элементы, имеющие отношение к поиску истины, то наука сводится к частичному, или неадекватному определению истины. В то же самое время я считаю, что в процессе своей эволюции наука неизбежно придет к тому, что будет включать в себя культурные, моральные, гуманистические и даже духовные аспекты, которые отсутствуют у нее сейчас. Это неизбежно должно случиться, потому что будет достигнута та точка, когда дальнейший прогресс станет невозможным без учета всех элементов, необходимых для полноценных поисков истины.

Скорее всего, наука будет существовать еще какое-то время, прежде чем придет к пониманию того, что она – всего лишь один из путей познания реальности. До того момента, когда наука объединит все перечисленные выше базовые элементы, научной теории навсегда суждено развиваться, не имея шанса на достижение стабильного состояния. Долгожданная теория науки, олицетворением которой в физике является единая теория поля, сможет объяснить все новые явления и при этом остаться неизменной, не нуждающейся ни в каких дополнительных модификациях для всеобъемлющего описания реальности. В том далеком будущем, о котором мы говорим, наука вряд ли будет напоминать себя саму в ее нынешнем виде. И тем не менее даже на том новом уровне научного знания всегда будет оставаться место тайне, само наличие которой исключает окончательное разрешение загадки жизни.

Это так. Это всегда было так.

⁵¹ Там же. С. 58.

⁵² *Renate Nummela Caine and Geoffrey Caine. Making Connections: Teaching and the Human Brain* (Menlo Park, Calif.: Innovative Learning Publications, 1994), p. 89.

⁵³ Там же, с. 89.

⁵⁴ *Fritjof Capra, The Web of Life* (Boston: Shambhala Publications, 1991), p. 68.

⁵⁵ *Ernst Cassirer. The Philosophy of Symbolic Forms, Vol. 1, Language*, trans. By Ralph Manheim (New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1953), p. 79.

Глава 4

Что такое жизнь

Все наше сенсорное восприятие вещей этого мира имеет субъективный характер – оно происходит внутри нас.

Это не что иное, как энергетические паттерны на поверхности вакуума, связанные со структурой человеческого ума.

Все мы являемся со-творцами и «акционерами» вселенной.

Мы коллективно создали обстоятельства нашей жизни благодаря посредничеству наших умов и под руководством Универсального разума.

Джон Дэвидсон «Тайна творящего вакуума: Человек и танец энергий»

Конечно, помимо национальной в нашей жизни функционирует множество знаковых систем. Они образуют почти бесконечную группу взаимосвязанных и перекрывающихся областей, пронизывающих все наше существование и распространяющихся как на вопросы, не имеющие для нас никакого личного значения, так и на самые интимные области нашей жизни. Вот некоторые из них, которые типичны для жизни каждого человека: политика, работа, экономика, рынок ценных бумаг, образование, реклама, статус, возраст, мужчины и женщины, отношения, любовь и романтические отношения, ценности, этикет, надлежащее поведение, законы, система юстиции, время, прошлое и будущее, герои, негодяи и знаменитости, фильмы, мода, социальные проблемы, здоровье и медицина, диеты и физические упражнения, исцеление, духовность, телевидение, компьютеры и даже система транспорта. Вы уловили общую идею. Для каждого человека вся совокупность его знаковых систем очень обширна и представляет собой индивидуальный набор, уникальный для него. Эти наслоения укоренены внутри нашего существа. Несмотря на чрезвычайную сложность этой динамики взаимосвязей, мы способны почти автоматически перерабатывать эти системы, практически не прикладывая никаких усилий, с той легкостью, которая является следствием прочно заученной привычки.

В то время как мы день за днем проживаем свою жизнь, в ней происходят события, рождающие у нас калейдоскоп мыслей и чувств, реакций и поступков. Этот опыт и то, как мы управляемся с ним, является символическими видами деятельности, поскольку события берут начало из наших знаковых систем и разыгрываются по их правилам. Каждая знаковая система функционирует на основе какой-то конкретной линии мышления, в которую вносит свой вклад каждый ее символ. В каждый момент жизни мы постоянно интерпретируем и обрабатываем огромный объем поступающей символической информации. Мы используем эти сырые данные, чтобы направить свою жизнь в соответствии с доминирующими моделями, с которыми ассоциируется смысл и конечный результат. В этот объективный процесс мы привносим свои субъективные потребности и желания. Роль символов в нашей жизни велика – они влияют на нас изнутри и снаружи, на уровне сознания и бессознательного.

Очень важно не только постичь символические принципы на абстрактном уровне, о чем мы уже говорили, но и пользоваться ими в жизни. В противном случае они останутся всего лишь идеями, которым лишь предстоит превратиться в работающие символы. Символы материализуются на физическом плане и становятся полностью понятными нам только тогда, когда они «заземлены» и укорены в реальности. Следовательно, нужно показать, каким образом описанные выше идеи, касающиеся символов, проигрываются в реальном мире.

Для того чтобы проиллюстрировать «заземление» обсуждаемых принципов, можно воспользоваться любой знаковой системой, поскольку все знаковые системы функционируют, по сути дела, на одной и той же основе. Я решил воспользоваться системой дорожных знаков,

потому что она исключает двойные толкования и однозначна. Общая задача этой системы, которая объединяет дорожные знаки и правила движения, – обеспечить безопасность на дороге в различных ситуациях, и таким образом все ее составляющие складываются в единство. Хотя красный сигнал светофора, знак «Осторожно, олени», знак пешеходного перехода, поворота налево и одностороннего движения требуют совершенно разных реакций, все эти многообразные символы играют свою скоординированную роль в достижении главной цели – обеспечении безопасности движения. Как и в случае любой знаковой системы, в процессе езды знаки сменяют друг друга. Эта постоянная необходимость модифицировать образ своих мыслей и действий в работе с символами называется интерпретацией. Необходимо вынести суждение и быстро принять решение: сигнал «Стоп» сменяется знаком, ограничивающим скорость до 60 километров в час, а потом мимо вас едет машина скорой помощи, которой необходимо дать дорогу – все это требует изменений в поведении. Различные механизмы контроля движения (символы) находятся в непрерывном динамическом взаимодействии; они не являются статичным, застывшим набором. Не существует одного-единственного способа реагировать на эти символы (их единственной интерпретации), потому что очень многое зависит от ситуации на дороге и состояния водителя. Знак, ограничивающий скорость движения до 60 километров в час например, представляет собой некую общую ситуацию. В этой зоне одни водители, приехавшие в конечный пункт своего путешествия, останавливаются; другие, застрявшие в пробке, перемещаются со скоростью 8 километров в час; а полицейская машина мчится на место преступления со скоростью сто двадцать километров в час. Для любого водителя все эти знаки и правила не кажутся запутанными, не имеющими никакого отношения к дороге или выбранными наугад. Каждый водитель, имеющий права, прекрасно знаком с этой знаковой системой в целом. Задолго до того, как человек получит водительские права (другими словами, станет настоящим пользователем знаковой системы), он должен продемонстрировать понимание того, как все эти знаки и правила (все эти символы) работают в совокупности, а также и достаточную компетентность, чтобы пользоваться ими на дороге (квалификацию, позволяющую интерпретировать эти символы). Идея вождения автомобиля становится физической реальностью, когда выученные принципы применяются на дороге. До демонстрации водительского мастерства и получения прав, самое близкое к вождению, что может делать человек – это думать о нем (до тех пор пока человек не овладеет знаковой системой, он не готов использовать ее в своих целях). Еще один фактор, влияющий на вождение, – это сам водитель. Каждый водитель знает, что необходимо сделать для того, чтобы знаковая система успешно заработала (каждый, кто овладел знаковой системой, понимает, как она работает). Однако у каждого есть свое личное понимание этой системы (каждый человек интерпретирует символы уникальным образом). Дорожные знаки и правила так же шаблонны, как символы любой другой знаковой системы. Тем не менее всегда остается место для индивидуального подхода. Для подростка любые ограничения – это вызов, и их следует проигнорировать; зрелый водитель расчетливо движется со скоростью, превышающей допустимую ровно на 6 километров в час; чрезмерно осторожный пожилой водитель движется со скоростью тридцать километров в час там, где можно ехать со скоростью пятьдесят километров в час. Еще один важный фактор, влияющий на вождение (на интерпретацию символов) – это состояние личной жизни водителя. Установки, настроение, проблемы и кризисы текущего момента способны полностью изменить стиль вождения человека (существенно изменить то, как будет интерпретировать символы и действовать на основании них). Он может спешить или чувствовать себя полностью подавленным из-за недавнего спора, больным, разъяренным, сонным, перегруженным множеством дел, которые навалились на него одновременно, или быть озабоченным чем-то другим. Таким образом, обычная манера вождения (характерный подход к интерпретации символов и работе с ними) является индивидуальной и изменчивой; как правило, со временем усиливается способность успешно справляться с машиной на дороге (человек учится все более искусно достигать главной цели зна-

ковой системы). Из всего этого следует мораль. Если водитель сознательно решил полностью сотрудничать с духом правил дорожного движения (если он нацелен на высший, идеальный опыт, который может предложить система этих правил), то он, скорее всего, избежит многочисленных наказаний и травм (негативного опыта) – аварий, переломов, штрафов, тюремного заключения, репутации скверного водителя, а также негодования со стороны жертв дорожно-транспортных происшествий и судебных тяжб с ними. Плюс ко всему, он успешно достигнет главной цели данной знаковой системы: безопасного вождения.

Итак, символизм это инструмент жизни человечества. Это то, посредством чего мы справляемся с повседневной жизнью – используя сложные механизмы восприятия, которые я назвал знаковыми системами. Но помимо суеты повседневной жизни существует высшая, фундаментальная Реальность, с которой нам приходится считаться всегда и при любых обстоятельствах. Что касается этой высшей реальности, то мы напоминаем слепцов из притчи, которые ощупывали разные части тела слона и делали совершенно разные и противоречивые выводы относительно того, что же такое слон. Никто из них не может увидеть и воспринять животное целиком. Подобно этим слепцам, мы называем реальность именами нескольких знаковых систем, известных нам, тогда как остальные, столь же глубокие по смыслу системы, остаются незатронутыми нашим воображением. Наше личное, субъективное восприятие Реальности составляет нашу собственную реальность. Это те ментальные линзы, через которые мы смотрим на жизнь, понимаем и проживаем ее.

Наше качество жизни зависит от того, как мы будем обращаться со своим символизмом: каким мы его видим, как интерпретируем, как действуем, руководствуясь им. Независимо от того, какую бы чудесную знаковую систему мы ни выбрали, ее эффективность, как и эффективность любого другого инструмента, зависит от наших навыков и тщательности, с которой мы ее применяем. Любая знаковая система склонна создавать порядок из хаоса и привносить в эту структуру цель. Отсутствие такого порядка и цели перечеркивает нашу способность преуспеть, независимо от чистоты и силы нашего намерения достичь цели. Давайте снова вспомним всем известную знаковую систему правил дорожного движения, существующую везде, где есть дороги и автомобили. Если бы не существовало общего понимания о протоколе движения, если бы не было ограничений скорости и других форм поведения тех, кто сидит за рулем, если бы не было правил и знаков, призванных сообщать о правильном вождении, то, без всякого сомнения, вождение стало бы таким опасным делом, что весьма сомнительно, что автомобили вообще стали бы производить. Кто захотел бы вкладывать крупные суммы – не говоря уже о личной безопасности – в товар, который может превратиться в обломки через несколько часов после покупки? Таким образом, наша транспортная система не только структурирует ситуацию, но и прививает установку безопасного движения практически каждому водителю.

Американская национальная знаковая система, о которой говорилось ранее, среди многих прочих, также создает структуру в зоне своей компетенции.

В совокупности все знаковые системы каждого индивида структурируют и стабилизируют его жизнь, позволяя ему нормально функционировать и жить на земле. По сути только знаковые системы и выполняют эту удивительную функцию, потому что в природе человека заложено находить индивидуальные концепции в ткани жизни. Структура не задана изначально. Скорее, именно наш талант творит концепты собственного изготовления в окружающей среде и решает, что они означают для нас. Кроме того, мы видим смысл в отдельных символах, а затем мы делаем выводы о том, каким образом определенные символы взаимодействуют друг с другом (то есть осознаем концепт).

Сила символов начинается и заканчивается внутри нас. Когда смысл какого-то конкретного символа настолько велик, что буквально захлестывает нас, нужно осознавать, что сам по себе символ не обладает силой, вызывающей такое действие. Символ всего лишь служит триггером нашего бессознательного, которое и придает такую интенсивность нашим мыслям

и эмоциям. Когда мы поворачиваем ключ и включаем мотор, мы не думаем, что ключ зажигания сам по себе представляет собой источник энергии. Точно так же обстоит дело и с символами: они предлагают, напоминают или каким-то образом стимулируют нас (они включают наше бессознательное), а наш разум делает все остальное, включая или не включая в себе силу символа. У каждого из нас есть символы, несущие в себе огромный смысл, но не действующие на нас. Что касается меня, то символы, связанные с бодибилдингом, особыми породами собак, модой, гоночными автомобилями, музыкой в стиле кантри и вестерн, а также чемпионами по бейсболу, неинтересны мне и не несут для меня персонального смысла; при этом я вовсе не намерен их как-то осуждать. Когда я сталкиваюсь с символами из этих шести областей (например, цветами, популярными в этом сезоне; характеристиками чемпиона породы, десятью вещами, которые наиболее интересны для фанатов знаменитого певца в стиле кантри; техническими новинками 500 самых быстрых автомобилей этого года и так далее), я распознаю в них символы, каковыми они являются. Я могу признавать особый смысл, который они имеют для других людей, но эти символы оставляют меня безучастным, хотя я и вижу силу, которую другие люди приписывают им.

Опыт – или смысл, – который мы ассоциируем с данным конкретным символом, и символ сам по себе полностью независимы друг от друга. Между ними нет связи. Тем не менее они кажутся одним и тем же, неразделимо переплетенными друг с другом, особенно если мы вовлечены во все это. Нам кажется невозможным отделить события жизни от смысла, который мы приписываем им, даже на мгновение, даже сугубо теоретически. Однако на самом деле мы часто получаем опыт работы с ними по отдельности, либо приписывая новый смысл символу, либо сохраняя устоявшийся смысл после утраты символа. В первом случае добавление чего-то особенного в нашу жизнь – супруга, домашнего животного, памятного подарка, хобби, героя – ведет к созданию нового символа. В данном случае этот новый символ напоминает пустой сосуд, который мы наполняем смыслом. Во втором случае потеря символа (супруга или домашнего животного, например) оставляет нам всего лишь воспоминания (то есть просто смысл), которые мы связываем с этим символом. Как правило, эти воспоминания продолжают оказывать на нас сильное воздействие, и хорошо, если только на наши мысли. Это предполагает также, что символ не является и не может являться вместилищем смысла. Эта его способность таится в нашем сознании и в действительности полностью не зависит от символа, с которым мы по привычке связываем смысл.

Трудность отделения опыта, который мы создаем (отделение смысла), от событий (от символов), которые происходят в нашей жизни, заключается в том факте, что все связано с тем, кем мы являемся. Когда мы вкладываем смысл в символ, мы в какой-то степени распространяем на него самих себя: мы являемся этим символом. Мы изобретаем символы в глубинах своего существа, что, в свою очередь, ведет к крепкой связи с нами и тем, с чем мы себя отождествляем. Большая часть нас самих, которую мы проецируем на символы, берет начало на бессознательном уровне, где наша способность осознавать, выносить суждения или контролировать весьма мала. Когда мы размышляем о себе или своей жизни, мы подготавливаем себя к овладению символами, которые мы выбираем сознательно. Остальные символы (их подавляющее большинство) возникают из глубин нашего существа без участия сознания. Следовательно, мы не помним, как создавали их, и в дальнейшем не чувствуем за них ни малейшей ответственности. Поэтому если они не соответствуют нашему «Я»-образу или, по нашему мнению, оказывают негативное влияние на наше благополучие, мы не хотим допустить мысль о том, что именно мы некогда создали их. Следовательно, мы воспринимаем себя отдельно от большого мира. Мы называем это «объективной реальностью».

Очень важно понять, что знаковые системы сами по себе не несут смысла и не упорядочивают нашу жизнь. До тех пор пока мы не увидим смысл в каждой части, не поймем каждый аспект и не сведем их воедино, символы лишены значения и пребывают в недифференциро-

ванном состоянии. Даже самая поразительная, сулящая откровения знаковая система не представляет никакого интереса или ценности, если нет персонального смысла, ассоциирующегося с ней. Этот момент стал ясен уже в наши времена, когда люди пытались понять современное абстрактное искусство. Сами художники, несомненно, вкладывали свою страсть в смысл и символы картин. Они делали все возможное, чтобы выразить свои идеи на холсте. Но широкая публика не могла понять их. Многие люди, взглянув на произведения абстрактной живописи, – даже на те, которые четко формулируют выраженную в них идею, – задают один и тот же вопрос: «А что это?»

Лично у меня есть опыт многолетнего непонимания кубистских полотен Пабло Пикассо. Во время обучения в старших классах школы и в университете мы обсуждали его работы на занятиях, причем несколько раз очень подробно. Раз за разом Пикассо прославляли как гения, опередившего свое время, но лично я, вплоть до сорокалетнего возраста, не понимал, что же в творчестве Пикассо вызывает такой восторг. Я не знал, как мне сделать первый шаг к его пониманию. Эти картины ничего не говорили мне. Они ничего не значили для меня. А затем, в один прекрасный день, когда я смотрел по телевизору биографический фильм о Пикассо, я услышал рассказ о кубистском периоде творчества художника, и что-то пробудилось во мне, рождая понимание. Неожиданно я увидел это. Я установил все связи. Картина, которую показывали в тот момент на экране, оказала на меня такое мощное, электризирующее воздействие, что я буквально вспыхнул от изумления! Символы сами по себе не рожают ни смысла, ни опыта. Мы сами насыщаем смыслом символические формы и пожинаем опыт.

Читатели, незнакомые с числовым символизмом или нумерологией, легко согласятся с этим, когда речь пойдет о сложном и запутанном смысле символических чисел от 0 до 9. Такие простые, безыскусные цифры...

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Сами по себе – это всего лишь числа для счета. Однако если открыть для себя их метафизическое значение, то оно укажет путь к глубокому духовному опыту.

Мы на индивидуальном личном уровне вдыхаем жизнь в знаковые системы. На первых порах может быть очень трудно увидеть это из-за наших собственных, персональных знаковых систем, которым мы дали жизнь так давно. Люди часто забывают, а еще чаще не осознают этого, вдыхая жизнь в какую-либо знаковую систему. Они также не осознают, насколько долг период, предшествующий рождению «реальных символов» и «опыта реального мира», которые есть у них в их жизни. Люди очень редко хоть сколько-то осознают, что «реальные вещи» отчасти субъективны, что означает, что они в какой-то степени являются продолжением выводов, сделанных людьми.

Когда мы только начинаем осознавать знаковую систему, она представляет собой могущественный новый опыт в жизни. Хотя на первых порах мы можем не знать всех деталей этой системы и того, как они взаимодействуют друг с другом, они формируют внутри нас цель и стремление к ней. Независимо от того, является ли новая область опыта конкретной и описываемой или неуловимой и инстинктивной, эта знаковая система становится отныне частью нашей жизни. Акт признания начинается с процесса, в ходе которого мы постепенно накапливаем и объединяем компоненты опыта, которые становятся частью реальности – нашей реальности. Для дальнейшего развития в этом направлении существует масса информации и руководств – таких как эта книга – из самых разных источников и обо всех знаковых системах, которые только можно вообразить. Однако все эти источники обладают весьма ограниченной способностью вносить свой вклад в понимание системы. Они могут лишь косвенно поспособствовать нашим усилиям, направленным на формулировку необходимых внутренних концептов данной конкретной знаковой системы. Понимание других систем, какими бы вдохновляющими они ни

были, не дает ни силы, ни мужества и ничем не может помочь нам в изучении. Строительный материал знаковой системы – это всегда наш собственный опыт. Делая знаковую систему своей собственной, мы получаем удовольствие от всей полноты ее опыта. То, что мы находим там, может нам нравиться, а может и не нравиться. Мы можем понимать (или чаще не понимать) все то, что там находим. В любом случае, мы там как дома.

Помня все это, мы ясно понимаем, почему намерение или цель человека играют столь решающую роль в работе с символами. Именно намерение, которое оплодотворяет разработку знаковой системы, содержит в себе в латентном состоянии все аспекты того, что станет «реальной знаковой системой» в своем зрелом состоянии. По этой причине учения всех духовных знаковых систем начинаются с обсуждения истинного намерения: то, что мы вкладываем в свою знаковую систему на этапах ее формирования, возвращается к нам в виде той реальности, с которой нам приходится иметь дело. Этот же принцип применим и ко всем мирским знаковым системам. Существующий ныне символизм вашей жизни – «то, как все происходит» – это прямое следствие предшествовавшего символического процесса. Этот предшествовавший процесс – своего рода стадия планирования, на которой философские идеи и установки принимают конкретную форму. Между различными символами, которые еще не опробованы и не проверены, возникает напряжение. Лишь пройдя через испытание временем и пространством, последствия становятся очевидными, хотя зачастую они оказываются неожиданными и непреднамеренными.

Возможно, в этот момент вам вспомнилось множество ситуаций в жизни, которые явно противоречили вашим намерениям. И вы, возможно, пришли к выводу о том, что кто-то или что-то, помимо ваших собственных намерений, вмешались в процесс и породили эти неприятности – нечто такое, что вы не в состоянии контролировать и что вы наверняка исключили бы из своей жизни, если бы могли. Но на деле все эти размышления ведут вас прямо к вашему изначальному намерению – просто в изначальный набор концепций вкрались почти неощутимые и неосознаваемые ошибки. Выбор, который вначале казался вопросом склонности и предпочтений, в конце концов, оказался высеченным в камне. Ошибки на ранних этапах, которые казались неважными в то время, когда все вещи были пластичными и невообразимыми, неизбежно развились в неспособность или дисфункцию, когда концепция сформировалась полностью. В конце становится ясно (если, конечно, человек задастся таким вопросом), что данный конечный результат является следствием некой причины, а наилучшим результатом является мудрость – знание того, как лучше справляться с вещами и событиями.

Как только символические концепты примут окончательную форму, нам становится гораздо легче справляться с враждебными обстоятельствами духовным образом. Духовные знаковые системы это выражения мудрости, и применять их в жизни – это применять мудрость. Даже если такой подход и не излечивает от всех бед негативного или деструктивного символизма, он не причинит вреда в будущем. Он также вырабатывает такие важные качества характера, как силу, дисциплину, концентрацию, прозорливость, скромность, бескорыстие и так далее. Все это, конечно, является необходимой частью духовной жизни. Необходимо также понимать, что противостояние негативу с помощью духовного принципа – это средство не столько глубокой трансформации своего «Я», сколько способ «текущего ремонта». Как только знаковая система становится для нас реальной, мы должны жить в соответствии с ней, поскольку сами породили ее.

Это совершенно разные вещи – создавать духовную знаковую систему (или любую другую систему) с самого начала или воссоздавать уже существующую. Определенные шероховатости и неточности можно устранять с самого начала. В результате целые категории неприятностей и дискомфорта никогда не станут частью нашей жизни.

Это является основой самых идеалистических, самых чистых и самых священных намерений, которые (и это доказано) оказываются самыми практичными.

Если говорить о широком спектре знаковых систем, существующих в мире, то духовные знаковые системы являются совершенно уникальными в одном отношении. Подобно всем знаковым системам, они представляют собой способ восприятия, но их суть, или базис, – это ничто. Эта любопытная фразеология определяет различие, которое следует делать между духами и оформленными вещами. «Ничто» – это правильный в техническом смысле термин, потому что Дух – не проявлен, у него нет формы и пространства. Он не берет начало на физическом, ментальном, эмоциональном или эфирном плане бытия. У него нет качеств, характеристик или атрибутов. Дух – это ничто в буквальном смысле этого слова, у него нет внешнего вида, структуры или организации. Ничто занимает исключительное место в мире глубинных форм. Концепт форм включает в себя гораздо больше, нежели принято считать. Конечно, он включает в себя физический мир, но он включает и все остальное, что характеризуется хоть какими-то качествами, паттернами, концептами или организующим принципом. Под это определение попадают мысли, чувства, идеи, идеалы и надежды (все это примеры форм), а также такие явные физические выражения формы, как, скажем, скалы, деревья и вещество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.